

ВІЛЬНЕ

ВОЛЬНОЕ

КАЗАЧЕСТВО

КОЗАЦТВО

25 AVRIL 1937

LES COSAQUES LIBRES

Xe Année

25 АПРЕЛЯ 1937 г.

219

25 КВІТНЯ 1937 р.

ПАРИЖ

PARIS

ГОД ИЗДАНИЯ 10-я

РІК ВІДАННЯ 10-ий

Содержание:

1. **Ив. Коваленко** (Скубани): На Пасху.
2. **Ходькевич-Сапсай**: Великдень.
3. **Сергей Маргушин**: Зарубежный казачек.
4. **Сергей Чепурной**: За волю родимых степей.
5. Не верь, казак, Москве,
а строй свой дом.
6. Трагедия Казачества.
7. **Владимир Куртин**: На казачьем кладбище.
8. **Николай Лапкин**: Что нам нужно?
9. **И. Плахов**: Донские песни.
10. **Еф. Якименко**: По пути на Дон.
11. **Ген. И. Коноводов**: Слышу!
12. **Н. Боровлев**: Горе и надежды.
13. **Вадим Измайлов**: Фельетоны в стихах.
14. Казачья эмиграция.

Почтовый ящик:

Сошо. М. Н. — Получены. Спасибо. Привет.
Сошо. С. — Получены. Спасибо. Привет.
Крезю. И. М. и М. Г. — Получены. Спасибо. Привет.
Бельгия. Т. Д. — Большое спасибо. Привет.
Болье. Н. Б. — Получены. Спасибо. Привет.
Кнютанж. С. — Получены. Спасибо. Привет.
Париж. А. П. — Спасибо. Привет.
Остров. М. Пл. Р. — Получено. Привет.
Лесковац. Б. Н. Будет напечатано. Привет.
Многим. — Поздравлений с праздником Св. Христова Воскресения от организаций и отдельных лиц не можем, к сожалению, напечатать из-за недостатка места в журнале.

ПОПРАВКИ:

В двух предыдущих номерах, в поэме В. Измайлова «Стенька Разин» следует исправить:

1. В номере 217 (20): на стр. 2. правый столбец, в 20 строке снизу, следует читать: **Вел** семь десятков их.
На стр. 4. левый столбец, 2-ю строчку снизу следует читать: «Сбирайтесь, други».

На стр. 5. левый столбец, 17-ю строчку следует читать: В мечтах о счастье, внемлет.

2. В номере 218 (81), на стр. 4, в правом столбце между восьмой и девятой строками следует вставить строчку: В неволе гибнущий народ.

Чужая пресса о казаках и о казачьем

1. В Женевском политическом и экономическом журнале «Вау де Пепль» («Голос Народов»), посвященном вопросу меньшинств, в номере 2 от 15 февраля с. г. помещена статья (на французском языке) **М. Данько** под заглавием: «Сталинская конституция и народ Москвою не признанный».

Статья эта посвящена казакам и казачьему вопросу.

2. В февральском номере (19-20) грузинского журнала «Самшобло» (Родина) — органе грузинских национал - демократов, издаваемом в Париже, напечатана большая информационная статья о казаках и казачьем национально - освободительном движении, написанная большим приятелем казаков. г. **Гр. Абуладзе**.

3. Издающийся в Женеве украинский информационный бюллетень «Офинор» (директор — М. М. Еремиев) в последнее время в украинском и немецком своих изданиях уделяет много места и внимания казакам, казачьему вопросу и ВК движению.

4. В берлинской газете «Фелькишер Беобахтер» недавно был напечатан ряд статей на тему: «Развитие Европейской континентальной политики: 1. Вокруг наследства Язона. 2. Движение народов в Восточной Европе».

В одной из этих статей есть такое место: «В долине р. Дона жили Сарматы. На основании новых раскопок и открытий, оба народа — Сарматы и Кавказцы — (о Кавказцах говорилось раньше. Ред.) — должны были находиться между собою в очень тесных отношениях. С IY века по Р. Хр. к ним прибавились новые элементы. В результате этого процесса мы видим сегодня Донских казаков...»

5. Интересно сравнить с этим последним свидетельством такое сообщение ростовского «Молота» (номер

4755 от 6 сего апреля) о раскопках хозарской крепости Саркел в окрестностях станицы Цымлянкой:

«Раскопками... в окрестностях станицы Цымлянкой на Дону окончательно установлены границы древней хазарской крепости. Саркел, построенной в 834 году при участии византийских архитекторов. В десятом веке крепость была разрушена и превращена в городское поселение.

«Работы экспедиции (производившей раскопки. Ред.) дали возможность выяснить типы и характер построек IX - XI веков...»

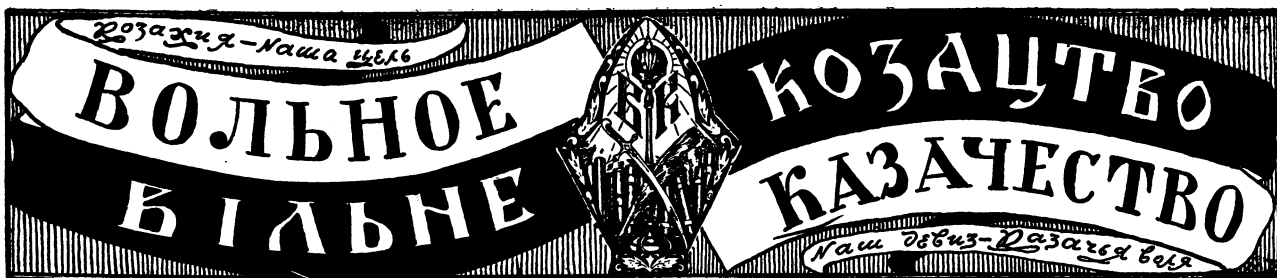
... «Раскопки Саркела имеют значение не только для истории Хазарского царства, но представляют особый интерес для истории русского народа. Раскопки крепости города и древних курганов - кладбищ показали несомненное наличие здесь древнерусской культуры...»

— Удивительная все же смелость у русских людей! Зная теперь уже свою казачью историю и историю русскую, ссылаясь одновременно и на выше приведенный немецкий источник, можем сказать совершенно по праву, что если для чьей истории раскопки Саркела имеют значение, то в первую голову для истории народа казачьего. Для истории русского народа они именно не имеют никакого значения, ибо в то время он был еще слишком молод и к тем местам никакого отношения не имел. Просто смешно говорить о наличии там древне - русской культуры (ее еще не было!). Если там и была чья культура, кроме хозарской и византийской, то — только предков Казаков!

Так русские на наших глазах отбирают себе старое казачье!

ГОНОРАР НЕ ПЛАТИТСЯ

Не принятые к напечатанию рукописи не возвращаются

LES COSAQUES LIBRES

Иллюстрированный двухнедельный журнал литературный и политический

Revue bi-mensuelle littéraire et politique

Редактор-издатель: инж. И. А. Билый

Редакция и администрация: 109, rue Erlanger, Paris (16°)

№ 219

Воскресенье 25 апреля 1937 — Неділля 25 квітня 1937

№ 219

Ив. Коваленко (Скубани).

На Пасху

Христос Воскрес!... Божественное слово...
Его всегда я с верой повторяю
И светлого начала жизни новой,
В изгнании томяся, ожидаю.

Все жду, живя одною лишь мечтою,
Что сбросит Родина чужое иго,
Что сжалится Спаситель надо мною,
Продлив мой век до радостного мига.

И я вернусь в предел родного Края,
Где степь на солнце бархатом лоснится,
Где, в зелени кудрявой утопая,
Раскинулась привольная станица.

Там тихий плеск лазуревой Кубани
Во мне будил мечтания и грезы:
Там отцвели дни молодости ранней,
Как лепестки душистой туберозы.

Туда, туда — я в этот день весенний,
Под радостный напев пасхальной песни,
Душой несусь, шепча в благоговеньи:
— О, милая Страна, и Ты воскресни!...

Ходькевич - Сасай.

ВЕЛИК ДЕНЬ

Всім праздникам праздник Великдень Святий;
Тризвон чути з церкви веселий - густий;
А в церкві співають попи та дяки,
А потім в ограді посвятають паски.

Діждався свята мир увесь:
Радіють всі — Христос воскрес!
Кріпка і в нас свята надія:
Воскресне й наша Козакія!
Христос воскрес!

Од-віку увесь Православний народ
Шандує Великдень із рода у род;
І ворога й друга цілує в уста, —
І серцем радіє во славу Христа.

Діждався свята мир увесь:
Радіють всі — Христос воскрес!
Кріпка і в нас свята надія:
Воскресне й наша Козакія!
Христос воскрес!

Нехай на Великдень радіє й козак,
Хоч нужду й велику терпить тут усяк;
Нехай споминає про Рідний свій Край,
Що знов зацвіте він, неначе той рай.

Діждався свята мир увесь:
Радіють всі — Христос воскрес!
Кріпка і в нас свята надія:
Воскресне й наша Козакія!
Христос воскрес!

СЕРГЕЙ МАРГУШИН.

Зарубежный казаченок

(РАССКАЗ).

Гришка рано лишился отца и матери. Его отца, еще молодого казака, беспощадно свалила эмигрантская нужда и свела в могилу, засыпав чужою землей. Мать Гришки, иностранка, вышла замуж за другого и забыла казаченка...

Гришка рос у деда Артема с бабушкой, которые были одностаничниками его отца. Хоть и тяжела эмигрантская жизнь стариков, хоть и трудно достается кусок хлеба, — все же они решили воспитать казаченка.

— Бог иво знать, бабка, када мы поедем домой, можить и помирать тут придеца, так хуть он поминать нас будет! — кой когда говаривал дед. — Вить он же наш казаченок! В нем наша казачья кровь!

— Правда, дед, — соглашалась бабка, прижимая и целуя Гришку. Ты погляди на ниво, дед, — прямо таки вылитый отец!...

— Да ты, бабка, с ним здорово не пестайси! А то из ниво выдит большой лодарь и пропадет, как собака в ярмарке! Ты-ж знаишь, как, бывало, нас воспитывали? Я помню, моя мать покойница (Царство ей небесное!) рассказывала, как она меня воскармливала... Жара... Уста кровью запекаюца... Жито сыпица, надо с корня снять, а в семье рабочих рук нет. Казаки то служат «матушке» России. Один в Питинбурхи, а два на Кавкази. малолеток-та ишо с лагира не пришо... А мы, бабы-та, говорит, за всех и отдуваемси... Прибягить, бывало, мать к возу... дасть грудь на минуту... пихнет мне в рот с жеванной пышкой сосульку и бегить снопы визать. А я кричу, кричу... да и выкарабкаюся из - под юночнава полога, да из люльки — бух! на землю, да и ползу в бурьян. А там кузнечики, казачочки, жучки да ежики... Я плачу, плачу между ними да кверху задом и усну. Прибягить мать к возу, а меня нет... «Ай! Ой!», — закричит, — Артему волк унес! — И по загону с голосом мине искать...

Найдесть, расцилуить... на бегу дасть грудь... К возу принесет, за колесо бечевкой привяжить, положит в люльку, перекрестит и опять бегить снопы в хресцы складывать... Так вот потому я и здоровь теперь, как бык! И ежели руки насмолю — черта удержу! Вот так надо воспитать и Гришку, штуба из ниво вышал настаящий казак...

И Гришка рос у деда с бабушкой...

В чужой стране, в чужой школе, на чужом языке и всему чужому учился зарубежный казаченок, вооружаясь общими знаниями; дома - же, на родном языке, слушающая рассказы деда и бабушки о далекой казачьей родине, о порабощенном казачьем народе, о вольных когда то станицах, — зажигался казачьим патриотизмом и, по приказу отцовской крови, текущей в его жилах, — становился казачьим националистом и считал себя казаком и больше ни кем!

Дед Артем, как вольный казак, сумел внедрить в молодую душу зарубежного казаченка почет и уважение к чужой нации и безграничную любовь и преданность к своей казачьей нации.

Шли годы за годами. Эмиграция старела... На смену ей росло новое казачье зарубежное поколение. Гришке уже шел двенадцатый год. Степная натура тянула его к родной стихии. Он любил степь и лошадей.

Дед Артем, на время летних каникул, устроил Гришку на ферму в трех верстах от города. Новая обстановка Гришке понравилась. На свежем воздухе он целый день возился с лошадьми, коровами, телятами и птицей. Но скоро одно обстоятельство заставило Гришку расстаться с любимым занятием.

Был летний праздничный день. Рабочие фермы сидели и лежали в холодке. Бабы грызли семечки и визгливо чему то смеялись.

В это время два здоровых парня, на двух арканах, подвели мало - езженного коня. Белая пена клочками падает изо рта. Широко раскрытые ноздри дышат жарко. Недобрые глаза горят зловещим огоньком...

— Кто сядет на коня? — обратился управляющий фермы к рабочим.

Все молчали.

— Я сяду! — выпалил Гришка.

Рабочие рассмеялись.

— А чиво вы смеетесь? — выступил в защиту дед Артем, только что пришедший «спроведать» «унучка». — Это мой казаченок!

— А ты, старик, из казаков, что-ли, будешь? — обратились управляющий к деду.

— Да «не из казаков», — а настоящий казак - самостоятельный! — ответил дед венгерцу, бывшему пленным в России.

— Вот нужно проездить застоявшуюся лошадь, а некому. Может быть ты, казак, что нибудь придумаешь?

— Тут думать нечева! Мы не таких чертей «проерживали!» Ну, как, Гришка, сядишь? Не подгадишь?

— Сяду, дедушка! — задорно ответил Гришка.

— Ну, вот, молодец, што не робеешь!... Ну, а седло иде-же? — обратился он к венгерцу.

— А вот, — показал тот на гусарское, с разбитым ленчиком.

— Эге! да эта-ж не казачье... На этом седле не лошадей проерживать, а простоквашу на покосе развозить! Лутьча вот так! Держитя иво крепша, — командовал он рабочим. И, свернув попоны четверо, огладив слегка лошадь и прикрыв ей ладонью левый глаз, осторожно положил сверток попоны ей на спину, и, «разговаривая» с конем, подтянул попоны, а потом задернул заднюю половину наперед. — обратился к Гришке:

— Гляди, как только сядишь на коня, смыгани иво плетью между ух, штоб в дубошки не завилсы. да гляди не перепусти, глаза повывыбишь!... А тады дай ему на обея бока «горячих» плетей, штобы задом не бил. Да держись коленками, а не ляжками! Поводом держи «взборе» иво, дьявола! А ежели задиреть голову и возметь «на клыкки», — попусти повод немного, да ни сразу, а то так и пойдешь ширкопытом через голову. Ну, да тебя учить нечива! Тебе сам Бог дал сметку!... С Богом, унучек.

И Гришка, поддатый дедом под левое колено, сел на коня.

— Пускай мине! — крикнул он державшим лошадь. Рабочие шарахнулись в стороны... Конь взвился на дыбы... Гришка «смыганул» его плетью «между ух», как дед говорил, дал на «обея бока» «горячих» плетей и заносистый конь, взяв на «клыкки» удила, рванул в поле.

Впившись коленками в лошадь, придерживаемый свертком попоны, натянув повод, летел Гришка к каменному обрыву глубокого канала.

— Пропал казаченок!... — зашептали кругом.

— Подвел парнишка, — думал дед.

Но Гришка во время дал повод и бешеное животное, увидя перед собой зияющую пропасть, остановилось... Подведя задние ноги под перед и взвизывая на дыбы, описал полукольцо над пропастью и, дрожа всем крупом, шарахнулся в противоположную сторону и с новой силой понесся между длинной кирпичной стеной пивного завода и полотном железной дороги навстречу на всех парах идущему поезду...

— Зарежет... зарежет... — с затаенным страхом зашептали люди. Поблдевал дед и молча щурил глаза в сторону мчавшегося всадника.

Раздался тревожный гудок паровоза. Гришка исчез в клубках черного дыма...

... Поезд промелькнул. Толпа ринулась к полотну железной дороги... Но ни смешанной с мозгом крови, ни искромсанного конского мяса с человеческим телом на том месте, где должна бы была быть катастрофа, не оказалось.

Куда-ж девался Гришка? Где он и что с ним?

А Гришка, обогнув километров пять, на взмыленном, но уже смирном коне, вывернулся с противоположной стороны.

— Маладец! — вырвалось от радости у деда.

— Браво, браво, Гришка! — кричали рабочие. — Браво, казаченок! — неслось отовсюду.

Гришка, с видом победителя, спрыгнул с коня и подвел его к деду.

— Вот так.. суку иво голень! — радовался дед, беря повод у Гришки.

— Похлопай таперь иво по шеи и намаж себе голу иво потом, чтоб угадывал. — учил дед опять Гришку. Вот так, а теперь поди суды, я тибе в маковку поцалую.

И дед Артем привлек к себе Гришку...

Гришка стал героем дня на ферме. Жизнь его резко изменилась. С конюшни его перевил в дом управляющего в качестве домашнего служки. Новая легкая служба Гришке не понравилась. Лишенный любимого занятия с лошадьми, он тосковал. Ему не по душе было прислуживать капризной «барыне», вечно бывая у нее на побегушках.

Через неделю дед пришел «спроведать» «унучка».

— А это што на тебе за «хархалук»? — спросил дед Гришку, оглядывая его новое «одеяние». Вот тут — то ты мне и подвел... Казак, а холуем снаряжился!..

От дедовых слов Гришку покорибило и он чуть не заплакал.

— Ну, ничего, ничего, унучек. — успокаивал уже его дед, — не своя сторона, чужбина... как нибудь будим пирибиваца... Лишь бы ты, где нужна — та, казаком был.

На прощанье дед, все таки, сказал Гришке: ты гляди, ежели тут табе на всагом деле будет плохо, — иди домой. Не заблудишь? Во-о-он на эту хвабричную трубу — так и смали, там нас найдешь!

После ухода деда Гришка решительно отказался подчиняться жене управляющего и разгневанный венгерец прогнал Гришку на старое место к лошадям, грозя прогнать даже и с фермы.

Но только что летний вечер спустился на землю, окутав темно — синей мглой ужинавших рабочих, Гришка, подтянув тужей шароваренки, намотав на рученку плеть и, ориентируясь «на хвабричную трубу», «посмалил» к деду.

Через час он уже был во дворе фабрики, где дед Артем служил ночным сторожем. Обласканный, накорм-

ленный, обмытый и одетый, под рассказы бабки о недавней казачьей «старине», Гришка засыпает.

И снится Гришке вещий сон. Он видит белоснежную равнину степи казачьей... Казачью лаву в стремительном порыве под градом пуль и рвущихся снарядов несущуюся в бой. Он видит трепет стальной щетины пик, несущей смерть врагам... Он слышит — «Ги». Казачье «Ги!» — из глубины казачьих душ, как неуправляемая стихия, несется по степи... Он видит бой сынов казачьей воли с красной русской ордой...

Метет метель... Бушует вьюга.. Заносит снегом отступающий обоз...

А он, как будто бы грудным ребенком, прижавшись к бабке, дрожит от холода в возилке... Южит ветер в вьюлочную бурку и рвет обледенелый лантух... Со скрипом несутся сани и «разводы»... Бегут женщины с детьми... Налетают люди с красными флагами — нет пощады никому...

Чудом спасшийся, он в незнакомом хуторе... Жуткая картина... Ограблен хутор... Полусожжена церковь... Повержена в пепел икона Божьей Матери... И видит Гришка аресты и расстрелы казаков... Высылку в Сибирь, на Мурман, в каторгу... на медленную смерть.

Он видит красного хама из Московии, поселившегося на казачьей земле и справляющего свой пир на новосельи...

И вот, он за рубежом на бесприветливой чужбине. Чужой язык, чужие люди... Гонимый всеми, он — бесправный беженец, под кличкой «рус», скитается бездомным батраком...

И снова видит он казачью степь, на этот раз — залитую весенним солнцем... Толпа людей бежит ему навстречу. Приветствие и крики радости несутся отовсюду... Молебны у родных курганов... Наполнен воздух песнопеньем. Ликует степь, ликует мир... Народ казачий стал свободен... Реют сине — малиново — желтые стяги казачьей державы — Казакии!..

Резко, почти над самым ухом, прогудел утренний фабричный гудок. Гришка, проснувшись, вскакивает.

— Ляжи, ляжи, унучек, — говорит только что вернувшийся с фабричной службы дед, — ишо рано!..

Сергей Чепурной.

За волю родимых степей

Никогда не могу я в стихах
Передать солнца чудный закат;
Говорить о веселых цветах,
Воспевать тонкий их аромат.

Пусть, чаруя, волна прешумит,
Пусть баюкают шумы лесов —
Я в душе, что уж годы болит,
Никогда не найду для них слов...

Может — бы и нашел, если — бы...
Эх, мечта, перестань, не ласкай!...
По ночам часто снятся гробы,
Истекающий кровью мой Край...

В твоих жилах течет кровь дедов.
Прочь сомненья! Дай волю ты ей!
Будь к последней борьбе ты готов
Лишь за счастье родимых степей...

И в нескладных стихах я пою
Не затем, чтобы знали о мне,
А затем, чтоб отчизну свою
Не забыли в чужой стороне.

Чтобы поняли братья мои,
Что у нас, казаков, один путь —
И ведет он нас в степи свои,
Чтоб им снова там Волю вернуть...

Много, много прошло горьких дней.
Впереди — неизвестности мрак...
Не гаси-ж безнадежно огней
Любви к Краю, страдалец казак!

Всех вольных и не вольных казаков, там и здесь суших, поздравляем с наступающим праздником Светлого Христова Воскресения.

Всем посылаем

ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ!

Казачество еще на Гоголфе.

Но — ВОСКРЕСНЕТ И ОНО

НЕ ВЕРЬ, КАЗАК, МОСКВЕ, А СТРОЙ СВОЙ ДОМ

В Москве вожди интернационального коммунизма и российского большевизма понемногу пожирают друг друга. Дошла очередь уже и до буквально вчера еще так всеильного главы Всероссийской Чека, ГПУ и министра внутренних дел, товарища Ягоды...

Все события в СССР интересуют нас и должны интересоваться только с одной точки зрения:

1. Как они влияют на состояние нашего противника — усиливают или ослабляют они его? 2. Как те события отражаются на положении непосредственно в наших Родных Краях.

С этой именно точки зрения надо сказать, что (несмотря на все наше сочувствие делу взаимостребления московских заправил) предыдущие тамошние большие «процессы», повидимому, не ослабили силы СССР на внутреннем фронте.

Трудно, конечно, сказать, что будет после последующих «судебных» представлений, т. к. неизвестно наперед, до каких пределов и лиц они дойдут, кого и в какой мере в дальнейшем они еще затронут.

Может быть мы и ошибаемся, расценивая так именно современную московскую «грызню», но нам кажется, что более существенное значение может иметь сейчас иное важное явление в жизни СССР: неудача с севом, опоздание с севом яровых. Наверстают или не наверстают там «упущенное»?

В прошлом номере мы привели уже некоторые данные о больше чем тревожном положении на «посевном фронте» на всем юге СССР. Передовая московской «Правды» 5 апреля снова напоминает, что «дорог каждый час» и что «из всех южных районов районы Азово - Черноморского края и по сей час являются самыми отстающими». А ростовский «Молот» 9 апреля тоже бьет в набат: «Дорожить каждым днем, каждым часом», т. к. «отставание еще не преодолено. На 5 апреля по-всем секторам было посеяно... 36,7 процента плана»...

Неудача большевиков на посевном фронте на землях оккупированных ими народов приобретает особое значение потому, что при теперешней международной ситуации недобор хлебов может иметь значение не только на внутреннем состоянии СССР, но может иметь большие отзвуки в мире внешнем, как

фактор, ослабляющий обороноспособность большевистского царства, что, конечно, не может не учитываться его противниками.

Понятно, поэтому, почему по поводу замедленных темпов сева в Казахских Краях, на Украине и на Кавказе оккупанты бьют такую тревогу.

На первом месте по «отставанию» с севом яровых стоят, как мы уже и говорили выше, Казахский Край.

Но, — что вообще там сейчас делается? К чему привел, чем кончился прошлогодний «поворот» большевиков «лицом к Казачеству»?

Как мы и говорили тогда же (см. 194, 197, 198 и 200 номера «ВК»), все то было очередным лицемерием Москвы, которому там казаки верили тоже весьма плохо. А к настоящему времени от тех времен и тех речей не осталось ничего. Сам инициатор «перемены тактики» по отношению к казакам, товарищ Шеболдаев, уже убран (в начале этого года) со своего поста заместителя Сталина в наших Краях и заменен старыми «ежовыми рукавицами» — знакомым уже казакам совершенным изувером Евдокимовым. Эпоха «либеральничанья» с казаками кончилась.

Впрочем, помимо воли, напрашивается теперь еще одно предположение: не был ли тот «поворот» всего лишь провокацией оккупантов в целях лучшего выловления еще сохранившихся там живых сил Казачества? Не «прощупывали» ли московские са-трапы таким образом еще раз душу казачью?

Во всяком случае, там вернулись снова времена усиленных репрессий и беспощадного «нажима», выжимающего и душу, и карман казачий...

Это лишний раз свидетельствует, что Москве мы не можем верить ни при каких обстоятельствах, ни при каких условиях, и что единственный наш путь, опять таки — при всяких условиях и обстоятельствах, путь ВК —

путь борьбы за полное освобождение Казачества, путь создания своего самостоятельного и ни от кого независимого казачьего государства — **КАЗАКИИ**.

КАЖДЫЙ КАЗАК ДОЛЖЕН ЛЮБИТЬ ВСЕ КАЗАЧЕСТВО БОЛЬШЕ, ЧЕМ СЕБЯ САМОГО — ОДНОГО КАЗАКА.

КАЖДОЕ КАЗАЧЬЕ ВОЙСКО ДОЛЖНО ИНТЕРЕСЫ ВСЕХ ВОЙСК ПОСТАВИТЬ ВЫШЕ ИНТЕРЕСОВ СВОИХ — ВЫШЕ ИНТЕРЕСОВ ОДНОГО ВОЙСКА. ЭТО БУДЕТ, В ТО ЖЕ ВРЕМЯ, И НАИЛУЧШЕЙ СЛУЖБОЙ СВОЕМУ ВОЙСКУ, ИБО

СПАСЕНИЕ КАЗАЧЕСТВА И ЕГО ЛУЧШЕЕ БУДУЩЕЕ — В ОБЪЕДИНЕНИИ ОТДЕЛЬНЫХ КАЗАЧЬИХ ВОЙСК В ОДНУ СИЛЬНУЮ КАЗАКИЮ.

ВНЕШНИЙ МИР С КАЗАЧЕСТВОМ РАЗЪЕДИНЕННЫМ ГОВОРИТЬ НЕ БУДЕТ. ТОЛЬКО ОБЪЕДИНЕННОЕ КАЗАЧЕСТВО МОЖЕТ РАССЧИТЫВАТЬ НА ТО, ЧТО ВНЕШНИЙ МИР БУДЕТ СЧИТАТЬСЯ С ЕГО ИНТЕРЕСАМИ. ТОЛЬКО ОБЪЕДИНЕННОЕ КАЗАЧЕСТВО МОЖЕТ РАССЧИТЫВАТЬ НА ПОМОЩЬ ВНЕШНЕГО МИРА В БОРЬБЕ СО СВОИМИ ПОРАБОТИТЕЛЯМИ...

Трагедия Казачества

(Очерк на тему: Казачество и Россия).

Часть IV.

(Январь — май 1920).

Г л а в а X V.

Совещание в Сосыке. — Как реагировала Кубань на вторжение советских войск в пределы Края. — Бой у Кавказской. Приказы Кубанского Атамана ген. Букретова. — «Отряды порядка». Поспешное отступление Донской армии и Добровольческого корпуса по территории Кубани. — Приказ об отходе на р. Челбасы. — Отход на р. Бейсу. — Бои на Ставропольском, Кавказском и Тихорецком направлениям.

Февральский переход 10-й и Конной советских армий на левый берег р. Маныча уже непосредственно угрожал территории Кубани. После неудачного ночного боя конницы ген. Павлова у Торговой — Воронцовского в ночь под 6 февраля для руководителей антибольшевистского фронта стало очевидным, какое тяжелое положение создано вновь на фронте.

7-го февраля на станции Сосыка в штабе Донской армии состоялось важное совещание, на котором присутствовали Донской Атаман ген. Богаевский, Кубанский Атаман ген. Букретов, командующий Донской армией ген. Сидорин, ген. Деникин и ген. Шкуро. На этом совещании обсуждался вопрос о создавшемся грозном положении на фронте и о положении на Кубани, от линии поведения которой в значительной мере зависел весь исход борьбы на реках Маныче и Доне. Последний, весьма сложный и больной, вопрос на этом совещании обсуждали именно те лица, которые, исключая ген. Букретова, весь предыдущий 1919 г. весьма настойчиво старались вытянуть Кубань, против ее воли, на «Московскую дорогу», которые не останавливались ни перед какими мерами, лишь бы побороть самостийность Кубанского казачества и заставить его служить интересам русского белого движения...

Обманутая, и глубоко оскорбленная Кубань, естественно, не могла пойти за этими генералами на новые жертвы во славу неприемлемой для Казачества «единой и неделимой России». Население Кубани не желало умирать за чужие идеалы. Понимая это, на совещании в Сосыке генералы высказались за усиление репрессий против казаков, не желавших более идти под их знаменами...

Глубокую трагедию переживало Кубанское казачество... Перед его глазами было несколько политических направлений со своими центрами:

Первое: радикальная пилюковщина, все же не осмелившаяся открыто и решительно с оружием в руках броситься в Екатеринодар, чтобы захватить там власть; пилюковцы группировались в предгорьях Кубани, временами выходя на железную дорогу Екатеринодар — Новороссийск.

Второе: Кубанская Рада, Атаман и правительство, которые проповедывали самостийность Кубани, но через Верховный Круг Дона, Кубани и Терека вступили в соглашение с ген. Деникиным. Эта официальная власть не была однородна по своим стремлениям: Атаман Букретов, большинство членов Кубанского правительства и меньшинство членов Рады сознательно шли на соглашение с ген. Деникиным, осуществленное Доно - Терским большинством Верховного Круга, состоявшего, как известно, из 50-ти Донцов, 50-ти Терцев и 50-ти Кубанцев; большинство членов Рады стояло за разрыв с Деникиным, но это большинство не смогло или не сумело найти для себя своих по духу Кубанского Атамана и правительства; не имея сил и фактической возможности через головы тогдашних официальных руководителей Донской и Терской политики, через головы деникински настроенного большинства Донских и Терских политических деятелей связаться непосредственно с Донскими и Терскими казаками, это самостийное большинство Кубанской Рады не сумело стать руководящим и организующим Казачеством центром...

Естественно, что ни ген. Букретов, ни Кубанское правительство, в среде коего на самых ответственных

ролях сидели такие активные сторонники России, как ген. Болховитинов, как Д. А. Филимонов или некоторые более серые персонажи русского толка, фактически не являлись той исполнительной властью, которая могла бы объединить и повести за собой мятущихся Кубанских казаков, души которых были переполнены разочарованиями и сомнениями.

Самостийническое большинство Рады оказалось между официальным Кубанским правительственным центром и неофициальной пилюковщиной. Не став на путь тесного и активного сотрудничества с пилюковщиной, это большинство Рады не дало необходимого руководства этому народному движению. С другой стороны, не возглавив пилюковщины и пойдя гибельной дорогой соглашений и компромиссов, самостийническое большинство Рады осталось без вооруженной силы, опираясь на которую, оно могло бы в то время явиться настоящим руководителем судеб Кубани, а может быть и всего Казачества.

Все высшие чины Кубанской армии были подобраны Деникиным и, понятно, были его верными сторонниками. Командующий Кубанской армией ген. Шкуро был известен Кубанским казакам, но именно это обстоятельство было причиной того, что этот генерал не мог быть вождем Кубанского казачества, так как перед тем полтора года ген. Шкуро лихо и без всякой нужды подчеркивал свою преданность ген. Деникину, подчеркивал любовь к матушке России, и даже носился с мыслью о необходимости переворота на Кубани, бряцая оружием против самостийников. Да и по своей предыдущей военной — партизанской — карьере, и по своему характеру ген. Шкуро совершенно не подходил к ответственной роли организатора и руководителя Кубанской армии. Все политическое существо ген. Шкуро отрицало то дело, которому он должен был служить; — организации Кубанской армии для защиты тех политических, хозяйственных и социальных идеалов, которые защищала Кубанская Рада, как выразительница воли Кубанского Казачества, Горцев и коренного иногороднего населения Кубани.

Кубанские казаки хорошо понимали, что ген. Шкуро являлся апостолом деникинско - русской «правды», которую отвергало Кубанское Казачество. Пребывание ген. Шкуро на посту командующего армией совершенно ясно указывало казакам на то, что их снова хотят повести все той же дорогой на Москву. Только упрямые противники организации настоящей Кубанской армии могли одобрять пребывание ген. Шкуро на посту командующего Кубанской армией.

Штаб этой армии, разместившийся в ст. Усть - Лабинской, в феврале 1920 г. не проявил почти никакого руководства боевыми операциями Кубанских корпусов; также не было достигнуто согласования в действиях Кубанской и Донской армий.

И только после того, как большевистские армии перемалывали через рубеж р. Маныча; после того, как неумелые руководители казачьими вооруженными силами открыли тыл 1-го Кубанского корпуса ген. Крыжановского для нападения Буденовских дивизий и этим подготовили страшный разгром этого Корпуса; только после того, как оставшийся в одиночестве в северо - западном углу Ставропольской губ., охватываемый противником с обеих флангов, расстроенный 2-й Кубанский корпус ген. Науменко поспешно отскочил к станции Кав-

казской; после того, как 4-й Кубанский корпус был тесно прижат к самому гор. Ставрополю, а конная группа ген. Павлова 12 февраля понесла поражение под Средне-Егорлыкским; после того, как большевистские дивизии на широком фронте вошли в пределы Кубани, ген. Деникин отстранил ген. Шкуро от должности командующего Кубанской армией.

Вот этот «Приказ Главнокомандующего Вооруженными силами на юге России, от 14 февраля 1920 г.»:

«По казачьим Войскам: назначается состоящий в резерве при Штабе Главнокомандующего вооруженными силами на Юге России генерал - лейтенант Улагай — командующим Кубанской армией. Командующий Кубанской армией генерал - лейтенант Шкуро — откомандировывается в мое распоряжение с сохранением содержания по последней должности.

Главнокомандующий ген. - лейт. Деникин».

Если бы русские генералы считались с волею Казачества, ген. Деникин не осмелился бы так наглядно игнорировать Конституцию Кубани, по которой право назначения командующего Кубанской армией принадлежало исключительно власти выборного Кубанского Атамана. Русские генералы ненавидели казачью самостоятельность и презирали казахов Конституции. Все январские (1920 г.) покаянные речи Деникина в содеянных им в 1919 г. преступлениях были простым лицемерием и тактическим ходом, объяснявшимся горячим желанием и далее распоряжаться казачьи вооруженными силами.

Кубанский Атаман ген. Букретов и Кубанское правительство В. Иваниса согласились с этим грубым нарушением Конституции Кубани.

Какое наследие получил новый командующий Кубанской армией ген. Улагай? Что представлял из себя Штаб Кубанской армии в те тяжелые времена?

16-го февраля штаб Кубанской армии в ст. Усть - Лабинской посетил военный журналист Раковский и нашел там следующее: ...«В Усть - Лабине Улагая не было и в штабе Кубанской армии наблюдался полный развал. Из разговоров видно было, что чины штаба очень плохо представляют себе обстановку, не имеют связи с частями и вообще производят впечатление полной растерянности» (Раковский, В стане белых, стр. 109).

И этот штаб должен был вести Кубанскую армию к победам, руководить боевыми операциями Кубанских корпусов, группировавшихся в Ставропольском, Кавказском и Тихорецком районах! Штаб должен был наладить разведку в неприязненных войсках и в их тылу, своевременно ориентировать штабы Корпусов о боевой обстановке на всем фронте, давать директивы Корпусам и вести общее руководство боевыми операциями их, организовать подвоз огнеприпасов, вести эвакуацию раненых и т. д.!

**

Как сказано выше (глава УШ-я), Верховный Круг Дона, Кубани и Терека 30 января прервал свою сессию до 10-го февраля. К 10-му февраля в Екатеринодар с'ехались члены Кубанской фракции этого Круга. Там же находились и члены Донской фракции. В виду того, что Терская фракция Верховного Круга к назначенному времени не прибыла, вследствие больших осложнений на Терке, а, главным образом, вследствие большевистского восстания на линии железной дороги к востоку от границ Кубани и перерыва железно - дорожного сообщения между Терком и Кубанью, начало работ Верховного Круга было отложено.

К 11-му февраля, как уже было отмечено выше, большевистские дивизии с востока ворвались в пределы Кубани.

Как на это реагировали члены Кубанской фракции Верховного Круга? — Они постановили немедленно раз'ехать по станицам с целью поднять **сполах**, призвать все население, способное носить оружие, в Кубанскую армию.

Когда Кубанцы увидели непосредственную угрозу большевистского завоевания Кубани, встали станицы. Уже 13-го февраля в Штабе Донской армии официально был отмечен факт «оздоровления Кубани». 16-го февраля командующий Донской армией ген. Сидорин, как отмечено было выше, сообщил командующему Донской конной группой ген. Павлову следующее: ...«Сейчас положение на Кубани улучшается сильно, мобилизация идет успешно и есть полная надежда на успех всей кампании».

16-го февраля 2-й Кубанский корпус ген. Науменко разбил бригаду 39-й сов. див. в районе станицы Кавказской и хут. Романовского. Войсковой Атаман ген. Букретов в телеграмме на имя командира этого Корпуса следующими словами отметил эту победу:

«Лихие действия Лабинцев и Кавказцев, конных и пластунов, 16 февраля при отбитии наступления красных на ст. Кавказскую и хут. Романовский, где доблестные Лабинцы и Кавказцы совершенно разгромили красных, взяв целиком в плен 443 и 444 советские полки в составе 600 человек и 8 пулеметов, заставили биться сердца всех Кубанцев, честно любящих свой Край. Объявите мое атаманское спасибо славным сынам родной нашей Кубани — непобедимым Лабинцам и Кавказцам, перед доблестью которых будет преклоняться все население Кубанского Края».

А 20-го февраля был издан следующий

«П Р И К А З

Кубанскому Казачьему Войску

(по Войсковому Штабу).

Нр 170.

Гор. Екатеринодар. 20 февраля 1920 г.

«Враг вторгся в пределы Кубанского Края и уже залихват кровью наши родные станицы. Первый большевистский удар пришелся по станицам Кавказского отдела, где в первые же дни было расстреляно около ста казаков.

В управление Кавказского отдела стали стекаться казаки из занятых противником станиц и сообщать о творимых большевиками зверствах и насилиях.

Разказы живых свидетелей большевистского террора освежили туманенные головы казаков этого отдела и они, раскаявшись, взялись за оружие. Результат этого сказался немедленно. 16-го февраля Кавказцы и Лабинцы на-голову разбили под станицей Кавказской бригаду 39-й сов. дивизии, при чем 443 и 444 советские полки взяли целиком в плен, а 445 полк почти весь уничтожили. Захватили свыше 600 пленных, 5 орудий, 20 пулеметов, много винтовок и обозов.

Объявляю доблестным Кавказцам и лихим Лабинцам свое атаманское спасибо. Да послужат славные действия Кавказцев и Лабинцев примером для Вольной Кубани!

В свою очередь, казаки Лабинского отдела на станичных сборах постановили мобилизовать и вооружить всех способных носить оружие, а от нежелающих идти защищать свой очаг — отбирать оружие и землю.

Объявляю об этом постановлении всему Кубанскому Краю, приказываю прекратить в станицах политиканство и митингование и поспешить, подобно Лабинцам, с оружием в руках на фронт для защиты своих Краев.

Время не ждет! Но есть полная возможность одержать победу над врагом и не допустить его вырвать вольности из рук Казачества!

Всех, упорно уклоняющихся и нежелающих выступить на фронт, объявляю предателями и изменниками Кубанскому Краю и всему Казачеству, и приказываю «отрядам порядка» таких лиц арестовывать, предавать военно - полевому суду и приговоры приводить в исполнение, не обращаясь за помилованием.

Приказ этот прочесть на всех станичных, сельских и аульских сходах, во всех сотнях, ротах, эскадронах, батареях и командах.

Войсковой атаман, Ген. Штаба. Ген.-Майор **Букретов**».

На основании документов можно привести целый ряд фактов, свидетельствующих о том, что Кубанское казачество действительно поднялось на защиту Родного Края, а вместе с тем, можно отметить и ряд других фактов, говорящих о разложении казаков, об упадке духа. Например:

За десять дней (с 14 по 25 февраля) в Полтавском полковом округе члены Рады и Верховного Круга **С. Крикун** и **И. Билый**, только из казаков, не подлежавших мобилизации, создали конный полк (гайдамацкий) в составе почти 3.000 человек, на хороших лошадках и прилично вооруженных (командир полка — полк. **Черный**). В конце февраля полк этот прибыл в Екатеринодар, но кубанская власть так и не сумела его использовать.

21 февраля Хоперцы в составе 200 шашек прибыли на фронт; тогда же казаки ст. Удобной, в числе 360 человек, самовольно ушли с фронта в свою станицу, а из 200 казаков Екатеринодарского отдела, прибывших в Тихорецкую, 60 ушло в тыл, а остальные отказались вы-

ступить из Тихорецкой на фронт; официальная сводка Донской армии за 22 февраля говорит следующее: «После вторжения противника в пределы Кубани, наблюдается резкий перелом настроения среди Кубанцев; казаки мобилизуются и выступают на фронт; за сегодняшний день в ст. Канеловской мобилизовалось 3 сотни; казаки станиц Староминской и Старощербинской, мобилизовавшись, направились, повидимому, на Уманскую, туда же выступили из Новоминской 250 конных; в ст. Каневской к коммору Добровольческого явилось 300 конных, которые просили направить их на фронт. **У населения наблюдается огромный подъем.**»

В тот же день было отмечено, что в другом конце Кубани «отряд полковника Тулинцева разошелся по родным станицам».

В военном обзоре газеты «Вестник Верховного Круга», № 35, за 22 февраля, было напечатано: «...Однако, центр внимания нашего и оценка событий разыгравшихся в эти дни принадлежит уже не этим событиям, а тому внутреннему **перелому**, который резко обозначился за последние дни среди Кубанских казаков. Дикое расправы красных с казачьим населением занятых ими станиц произвели, видимо, то действие на Кубанцев, которого не имели ни призывы Атамана, ни предупреждения офицеров. В течение двух - трех дней без всякого участия телеграфа и осведомительных отделов, тем слухом, которым земля полнится, стало известно по станицам, что не офицерам и генералам, а именно трудовому казачеству страшны красные. И, станица за станицей, стала подыматься Кубань. Конечно, только будущее покажет, насколько серьезен этот подъем Кубанцев...»

Масса казаков действительно поднялась моментально вооружилась и села на собственных коней. Но и в этом случае вновь обнаружилась трагические последствия того, что фактически кубанцы не имели своей армии. Поднялись казаки, но силы их были разрознены, распланы по всей Кубани...

А враг настойчиво лез в пределы Кубани с востока, с северо - востока и с севера, распространяя панику среди населения, подрывая веру в успех.

Одни станицы направляли казаков в управления отделов (округов) и оттуда на фронт. Другие — просили даже командира Добровольческого корпуса отправить их на фронт... А третьи — сами выступали прямо на фронт. В одной станице имелись офицеры, бравшиеся за организацию восставших казаков, а в другой — таких офицеров не было...

А в это время явные большевики и их сторонники вели бешеную агитацию среди казаков с целью их разложения... Быстро нахлынувшая волна наступавших большевистских войск скоро захлестнула пограничные кубанские станицы на севере и востоке области и расстроила мобилизацию.

В глубине же Кубани — в Таманском отделе произошло что-то невероятное, неожиданное, подорвавшее в корне начавшийся массовый подъем казаков в борьбе с большевистским нашествием.

Как уже было сказано выше, по соглашению Кубанского Атамана ген. Букретова и Куб. Правительства Иваниса с ген. Деникиным и командующим Донской армией ген. Сидориным, по Кубани были посланы «отряды порядка» с данным им правом порки, расстрелов и иных жесточайших мер наказания. В Таманский отдел была послана 1-я Донская дивизия.

В отдельской (окружной) станице Славянский карательный отряд Донцов арестовал станичного атамана **Климченко** и члена Кубанской Рады **Щербака** и подверг их порке. Никакие просьбы случайно бывших в ст. Славянской членов Верховного Круга Панасенко и Иванченко не подействовали. Арестованных привязали к двухколке и увели, а потом расстреляли. В самой станице произвели повольные обыски и отбирали все, что попало под руку. В Славянских лагерях, где находился безоружный Таманский полк, отряд Донцов потребовал выдачи зачинщиков отказа идти на фронт. Зачинщиков не оказалось. Тогда был отдан приказ: пороть десятого, расстрелявать семидесятого. Приказ был в точности выполнен (Г. Покровский. Деникинщина, стр. 278).

После этого члена Кубанской Рады Щербака нашли убитым, а атамана Климченко «отправили» в Екатеринодар. Труп его нашли на берегу р. Кубани...

Порки и расстрелы казаков, естественно, вызвали всеобщее и крайнее возмущение среди Кубанцев, услы-

шавших об этих насилиях. На Кубани заговорили, что повторятся ноябрьские события (часть III-я «Траг. Каз.»).

Вопрос об убийстве члена Рады Щербака и станичного атамана Климченко 22 февраля стал предметом горячего обсуждения в Екатеринодаре на частном совещании, на котором присутствовали члены Кубанской Краевой Рады, члены Кругов Донского и Терского, члены Правительств Кубани, Дона и Терека... На этом совещании говорилось не только о порке, расстрелах, но и о том, что «отряд порядка» занялся простым грабежом на селения станиц Таманского отдела по обоим берегам Кубани...

Стало ясным, что «отряды порядка» фактически явились отрядами беспорядка и зверских насилий. Все это принесло большой вред делу организации защиты Кубани.

Вновь остро стал вопрос о доно - кубанских отношениях. Как будто чья-то сознательная злая воля устроила так, что на Кубань была послана Донская дивизия на усмирение для того, чтобы вбить клин недоверия и ненависти между двумя самыми большими казачьими Войсками...

Здесь уместно будет отметить и то, что 21-го февраля было опубликовано за подписью Кубанского Войскового Атамана ген. Букретова и министра внутренних дел Кубани Л. В. Белашова **обращение «К населению Кубанского края»** о всесторонней помощи Донским беженцами («Вестник Верховного Круга», № 34).

Ген. Деникин, Донской Атаман Богаевский, командующий Донской армией ген. Сидорин и члены Донского Круга в течение января 1920 г. не один раз неофициально и официально упрекали Кубанцев в том, что они будто бы не хотят воевать против большевиков, что Кубанцы не дают должной поддержки Донской армии, занимавшей фронт по рекам Дону и Манычу.

Надо признать, что боевое напряжение Войска Кубанского в описываемое время было далеко меньше боевого напряжения войска Донского. Были основные причины, вызвавшие такое явление. Об этом была речь выше (между прочим, в главе X-й).

Надо признать и другое, не менее важное, обстоятельство, а именно то, что Донская армия и Добровольческий корпус выдержали известное напряжение в борьбе на р. Доне и р. Маныче только полтора месяца. После 17-го февраля началось, как мы знаем, почти безостановочное отступление Донцов и Добровольцев.

Уже 20 февраля, на основании воздушной разведки, от имени командующего Донской армией была послана командирам Донских корпусов телеграмма такого содержания: «Из штабов Корпусов поступают донесения о сильном нажиме на фронте со стороны противника. Между тем произведенной сегодня воздушной разведкой на участке от моря (Азовского) до Ильинки обнаружено лишь движение небольших конных групп и обозов и почти никакого оживления в населенных пунктах. Считаюсь с изложенным Командарм оставляет в силе свою последнюю директиву от 17-го февраля **об упорной обороне на линии р. Куго — Ель.**»

Вследствие потери связи между штабом Донской армии и штабами ее Корпусов, обстановка на фронте с 20-го на 21-е февраля не была известна. Донские и Добровольческий корпуса отходили настолько поспешно, что уже 20-го февраля красные заняли узловую станцию Кушовку на стыке Владикавказской и Черноморско — Кубанской железных дорог. Штаб Донской армии из Кушовки переехал в Тимошовку.

В первые же дни отхода в Донской армии была обнаружена большая утечка людей из строевых частей в обозы, вследствие чего, боевой состав армии падал. Поэтому 20 февраля командующий Донской армией ген. Сидорин отдал следующий приказ командирам Донских корпусов: «Из последних донесений выясняется сильное поредение действующих частей утекчей боеспособного элемента в обозы. Приказываю немедленно произвести самую тщательную чистку обозов; как это было сделано по отходе частей за Дон, направляя все годное в строй. Об исполнении донести. 20.11.20. № 0753. Тимошовка. Ген. Сидорин».

Окружному Атаману 2-го Донского округа был послан следующий приказ: «По имеющимся данным с вашим управлением с беженцами прибыло до десяти ты-

сяч боеспособных казаков. Приказываю немедленно их призвать на службу и, сведя их в отдельные части, под командой офицеров и под общей командой одного назначенного старшим направить по маршруту Усть - Лабинская — Кореновская — Иркилевская в ст. Павловскую, откуда конные будут направлены в 4-й корпус, а пешие — в 1-й корпус. Об исполнении сего донести, после чего оно будет проверено особо командированным лицом. 20-11-1920. 13 час. 10 мин. Нр 074/К. Тимошовская. Сидорин».

21 февраля командиры корпусов послали командующему армией следующее:

«Комкор Добровольческого донес, что корпус утомлен и просил сокращения фронта.

Одновременно с этим и командир 3-го жаловался на сильное утомление частей, на их небоеспособность.

От командира Сводно - Конного поступила просьба об отводе Терской дивизии, вследствие ее малочисленности и упадка духа, в обоз 2-го разряда».

Несмотря на то, что противник в эти дни почти не оказывал никакого давления, Добровольческий и Донские корпуса продолжали отход на юг, **не задержавшись на р. Ее.** Поневоле санкционируя это всеобщее безудержное отступление, командующий Донской армией 21-го февраля приказал в два перехода отойти с р. Еи на р. Челбассы «для занятия более сосредоточенного расположения и удобства маневрирования армиями», при чем:

1) группе ген. Павлова занять район ст. Новолешковской — ст. Павловской — ст. Старолешковской;

2) 1-му Донскому корпусу — х. Белый — ст. Челбасская;

3) 3-му корпусу — ст. Челбасская — ст. Крыловская, а 24 - 25 февраля ст. Иркилевская — х. Савицкого;

4) Добровольческому корпусу — ст. Крыловская — Бейсугский Лиман.

В том же приказе от 21 февраля говорилось о необходимости «мобилизовать все население, способное носить оружие, а также всех годных лошадей».

Таким образом, Донская армия и Добр. корпус «в два перехода» без боев отскакивали от северной границы Кубани верст на 50 к югу, а от Батайска, где Добр. корпус был еще 16-го февраля, — верст на 80 - 90. Согласно этой директиве все Донские и Добровольческий корпуса занимали фронт всего около 100 верст — по линии ст. Брыньковская — ст. Новолешковская.

Если принять во внимание то, что в те дни быстро наступила оттепель и все дороги и поля сделались почти непроезжими, можно ясно представить, насколько быстро продвигались на юг Донские и Добровольческий корпуса. 24-го февраля красные уже заняли узловую станцию Сосыку — на стыке Владикавказской и Ейской железных дорог, в 40 верстах на северо - запад от станции Тихорецкой.

Донские и Добровольческий корпуса не остановились на р. Челбассах, представляющей большие удобства для обороны. Войска без боя отходили далее на юг, на р. Бейсуг...

Весьма показательным было то, что войска, находясь в непрерывном движении, **целых четыре дня подряд не поддерживали связи — ни корпуса между собою, ни корпуса — со штабом Донской армии, находившемся тогда в близком тылу — в ст. Тимошовской.** Только этим отступлением связи между корпусами Штаб Донской армии объяснял «**паническое отступление с линии р. Челбасс на юг.**» Поэтому командующий армией командирам 1-го и 3-го Донских корпусов «поставил на вид отсутствие связи между ними и приказал держать постоянную связь между собою».

Именно в эти дни безостановочного и непонятного на первый взгляд отступления Донских и Добровольческого корпусов в Конной группе Донской армии произошло примечательное и много говорящее событие. Начальники частей и рядовая казачья масса конной группы были чрезвычайно возмущены поведением ген. Павлова еще в то время, когда этот генерал (не казак) в

страшную стужу при сильном северо - восточном ветре, по пустынной степи, 3 - 5 февраля вел конницу из района х. Веселого к станции Торговой (глава XII); возмущались они и нераспорядительностью ген. Павлова во время ночной атаки на Торговую в ночь с 5-го на 6-е февраля и последующей ночовкой конницы в открытой степи, и непонятным поведением этого генерала, как во время боя 12-го февраля у селения Средне - Егорлыкского, так и во время боев 13 - 17 февраля в районе станции Егорлыкской — поселка Иловайского.

Теперь это возмущение вылилось в открытые действия — начальники частей конной группы, подчиненной ген. Павлову, собравшись на совещание и обсудив поведение ген. Павлова, постановили немедленно устранить его от командования этой группой и на его место поставить ген. **Секретева.** Возмущение против ген. Павлова было настолько сильным и всеобщим, что командующий Донской армией 25 февраля согласился с этой заменой (Раковский. В стане белых, стр. 135).

**

Из событий, происшедших за эти дни на фронте Кубанской армии, отметим, во-первых, бой 21 февраля на Ставропольском направлении (гор. Ставрополь оставлен казаками 18-го февраля). В этот день четыре полка красных наступали из Ставрополя по шоссе на станцию Невинномысскую. Группа доблестного ген. Бабиева разгромила эти полки, три из них отбросила в полном беспорядке на юг, а четвертый — на сел. Татарку, при этом казаками было захвачено знамя Таманского советского полка, пулеметы, пленные и лошади в седлах.

Во-вторых, 21-го февраля на р. Калалы у ст. Дмитриевской 2-й Кубанский корпус и Кубанские пластуны после тяжелого боя разгромили три полка пехоты и свыше полка конницы красных, захватив 380 пленных.

В-третьих, группа войск ген. Шифнер - Маркевича, получившая название 1-го Кубанского корпуса, имея 1.000 пластунов в районе Тихорецкой — Терновской и 600 пластунов в самой Тихорецкой, успешно защищала район станции Тихорецкой. 22-го февраля ген. Шифнер - Маркевич по прямому проводу в штаб Донской армии доложил, что на Тихорецкую наступают 32-я, 34-я и 20-я советские дивизии, и что Шифнер - Маркевич имеет только 1600 пластунов, что же касается Куб. пластунского батальона в районе ст. Н. - Рождественской, то этот батальон находится еще в периоде формирования. Вследствие этого генералу Шифнер - Маркевичу временно была подчинена 10-я Донская конная дивизия из состава 4-го Дон. корпуса.

На кубанском фронте в это время действовали XI-я сов. армия в районе гор. Ставрополя и X-я сов. армия в составе, 39-й, 32-й, 34-й, 50-й и 20-й стрелковых дивизий. А с севера надвигалась Конная армия Буденного...

Отмеченные выше бои Кубанцев на Ставропольском, Кавказском и Тихорецком направлениях, вне сомнения, говорили о том, что Кубанцы в то время еще сохраняли боееспособность.

Из событий в кубанском тылу, кроме уже выше отмеченных, укажем на то, что, как говорят официальные данные, одна станция Каневская 25 февраля мобилизовала 900 казаков (район действий Добровольч. корпуса). В то же время 17-й батальон, состоявший из 1514 казаков, разошелся по станциям. Отряд ген. **Говорущенко**, прибывшего со своими частями из Ейского отдела в ст. Брыньковскую, приступил к формированию отряда казаков станций Брыньковской, Ольгинской, Бородинской, Степной... Ст. Ладожская дала отряд ген. Косинова в составе 140 шашек и 180 штыков...

Надо признать, что успешно начавшаяся около половины февраля мобилизация Кубанцев, по тем или иным причинам, фактически все же не дала такого общего прилива бойцов на фронт, чтобы это усиление могло изменить положение дел на фронте в казачью пользу.

(Продолжение следует).

Каждый казачий патриот

должен подписаться на журнал „ВК“

ВЛАДИМИР КУРТИН.

На казачьем кладбище

(в одну из годовщин).

Пока о существовании болезней знаем лишь теоретически, пока коленные суставы еще гибки, а кости пальцев на ногах не стискиваются щипцами подагры, пока не колет под лопатками, а желудок легко справляется с горьким хлебом чуженины, — жизнь еще **«вся перед нами»**. Мы верим, что она стоит за завесой завтрашних дней, одетая в роскошные одежды, богатая великими делами, прекрасными переживаниями, щедрая на удовлетворение **всех наших, пока еще не удовлетворенных надежд и желаний**.

Годы не считаются. Время кажется неизбывным, а источник нашего здоровья неиссякаемый...

Трагический исход из родной земли будто бы был только вчера, а любое завтра принесет радостное Возвращение...

Беззаботно идем мы к **нашей жизни**, легко шагая через рытвины дней и пропасти годов. Идем, не замечая, что время около нас становится все пустынее, рытвины дней все шире... попутчиков все меньше и меньше...

Не видим мы, что время, смеясь и вызывая, ведя нас к алтарю родного храма, перед которым стоит давно - желанная невеста — Родина, все чаще подводит нас к черным ямам, в которых свилось бесстрашное **Ничто**.

Не видим мы, не придаем цены ни дням, бегущим в невозвратное прошлое, ни спутникам, ни самим себе...

Гей!... изгнания годы — как часовая стрелка на вокзале в глухую пору ночи!... В любой момент вдруг задрожат стекла окон и чаши на столах: скучную дремь встряхнет зовущий свист, скрипнет железо рельсы и, в огне и клубах пара, весь в брызгах искр, из тьмы вылетит могучий поезд...

... Не для того же я родился и вырос вольным казачком, чтобы прозябать в чужом селе между чужим народом!...

— Таковую жизнь считать за **жизнь**?

— Нет, **жизнь** еще не наступила... Скорей - же к ней! Шагай беспечно и скорей, скорей, как только можешь, через дни и даже годы!...

Но, нет ничего коварней времени: оно исподтишка всосалось в кровь, невидимыми нитями стянуло мышцы, осело ржавчиной в суставах, вгнездило в легкие и сстнями буравчиков сверлит нам кости.....

**

Сегодня грустный, грустный день. Он не похож на те, которые я с легким сердцем отталкивал прочь от себя назад... Сегодня день — с'ел ночь.

— Не потому же сейчас ночь, что вместо солнца за плачущими тучами мне светит лампа?...
Ветер все тот же. И он не знает ни дня, ни ночи: ворчит, ворчит... И стонет...

— Не можешь спать?

— Не могу и я.

— Без Родины?

— И я без Родины. Мы оба скитальцы...

**

Сегодня я вышел погулять. Со мной — мой пес... Пес и я. Двое нас...

— Слушай, Кики: 16 лет тому назад нас здесь было много, много...

Кики смотрит на меня своими умными, так много говорящими, глазами.

— Кики, ты плачешь?... У тебя, кроме меня, нет никого?...

— И у меня, кроме тебя, никого...

— Семья?

— Да... Но это все равно, что в гнезде степного сокола вывелись морские чайнятки... Чайки на море, а старый сокол остался над тернами своих степей...

**

День сегодня грустный, грустный... Я вышла — «да се прошетам мало»... Куда? — А так, без цели. А путь без цели водит меня всегда туда, куда здесь никто не ходит... Давно уже туда никто не ходил...

Когда дорогой, что вьется с холма на холм меж ди-

кими гранатами, ходили, — нас здесь было много. А между нами уже тогда, в день нашего исхода, было не мало таких, чей путь изгнания вплотную подошел к кладбищу... Теперь нас здесь немного — всего лишь это кладбище и я.

Иду на холм. Вдали стеною от долины до сивых облаков, вздыбились горы с клочками снега и темными квадратами соснового леса. На полупод'еме вдруг остановился. Не могу дальше. Протер рукою потный лоб...

— Кики, что со мною?

— Старость... Большая, преждевременная старость бездомного изгнанника.

Пощатываясь, сел на камень у дороги.

— Да, ты прав. Молодым и сильным, едва дозревшим для жертвенной работы горячо любимому народу и родине, — оставил свой народ и родину...

— Эх, Кики, 16 лет скитания по свету! 16 страшных лет сейчас вдруг разом обвалились на мои плечи... А с такою ношей бродить без цели...

Разве же это цель — вот это заросшее кладбище?... И не потому ли оно здесь, что в **годы кровавой борьбы за свой порог и угол нам подменили нашу цель чужою?**

— Как?

— Просто: нас было много, но **ОДНО** мы, к сожалению, не были...

— Потом?

— Все разбрелись... Далеко... Во все стороны... Долго ни один из нас не видал ни брата своего, не ближнего...

— Потом?

— Однажды я сидел перед своею «кучей». Каменная пустыня одевалась вечерними тенями. А на дне долины уже улеглась ночь... Бог знает, какая уже по счету... Тишь пустыни лишь подчеркивает придавленное шаркарыканье ручного жернава:

Гры, гры... Гры, гры...

То в недалекой «куче» из кучи камней бедняка Мартина мелют кукурузу...

Так было вчера. Так будет завтра:

Гры, гры... Гры, гры...

Горы заволакиваются тьмой, по долине поползли туманы...

Вдруг, прохожий!...

— Что?... Откуда здесь прохожий?...

— Вот с почты вам принес!...

Взял, развернул и вижу:

Упрямый, сильный идет вперед **Гнат Билый**. С ним — легкий и смеющийся **Фролов**. Еще 5 - 6 знакомых силуэтов. А между ними, с записками о старой вольности казачьей, мой брат... С горящим факелом в руках спешит к ним **Гончаров**, за ним **Кундрюцков**...

Широким шляхом серебрится путь от заболоченной долины на верх клоками туч покрытого перевала, где из - под них играет сполохом невидимое солнце...

С боков дороги, через овраги и ограды, через кусты колючей «драчи» на путь спешат родные казаки... Всех знаю. И все мне дороги и милы...

Слезы радости лучами радуги одели всю долину... И видится мне:

Вот старый куренной с бандурою Тараса ведет ватагу молодых джигитов. Вот старые діди — живые ризницы вольно - казачьей мудрости и славы... За ними толпами спешат ученики и боевые «рядовые». Все новые и новые выходят на дорогу и густыми рядами идут на гору...

— Гук... гук... гук...

— Гей, веселая доріженька!...

Кики прислушался.

— Да, да... И как ему было не петь?... Как могло не петь мое бедное сердце, которое иной дороги и не знало?!

— Туда, туда, — где в росных зорях купается прекрасная казачья Степь; где реки в кудрях камышей глядятся в божье зеркало смарагдового неба; где Воля цве-

тет волшебною казачьей песней и родит союзом вольных, братством равных...

— Туда, туда!... За ними!... С ними!...

**

— Гей, сила казачья, есть ли равная тебе на свете?... Трясла ты встарь турецкою империей, когда пред ней тряслась Европа... Ты покоряла континенты и с хитрою Москвою вступала в бой за право человека гражданина. Рамом носила святые лозунги — свободы, равенства и братства...

А ныне — за свою свободу, за право жить на дедовской земле, за братство равных, семью вольных — вперед, вперед! Ни шага вспять!... Ни в сторону!...

Ибо, оставаясь в рассеянии, вне вольно - казачьего шляха, мы оставляем могилы: без корысти и славы... Без имени... Вот такие, на какие сейчас смотрю: земля слеглась; по ней переплелись побеги ежевики; под мокрою травой валяется истлевший крест...

Никто сюда не ходит... И никто не знает, кто здесь лежит под бурьянами и дикой ежевикой... И я не знаю.

НИКОЛАЙ ЛАПКИН.

Что нам нужно?

Еще в пятом веке, по поводу волнений народных, блаженный Августин говорил: «Многие твердят, что времена — плохие, но пусть всякий станет добрым и времена изменятся».

Казачье море волнуется. Казачий разум ищет выхода из создавшегося эмигрантского тупика. Те, в ком еще не умер дух сопротивления; те, кто еще не растворился в чужой среде; те, у кого воспоминания о родном жгут и разум и сердце; те, кто сильно любит, — те все волнуются и, ища ошибок в прошлом, анализируя настоящее, ищут дорогу к светлому будущему. — Естественный и святой порыв!

17 лет прошло, как судьба еще раз послала казакам лишения и испытания эмигрантской жизни. Различно боролись они с ними: падали, вставали, опять падали и снова подымались... Всякий боролся и... **Казачья воля победила.** Устроились, не в пример другим, хорошо или плохо, но устроились... Зажили, «привыкая к чужим краям»...

Были они забыты, никто им не помогал. На шахтах, в полях Померании, по селам диких Балкан, в вихре городской жизни различных стран затерялись, казались, казаки...

Оставленные на произвол судьбы своими начальниками, своими «духовными вождами», подчас в нищете, обиженные (люди без родины!), попираемые своими «союзниками», они, в полном смысле слова, остались никому не нужным хламом: ни своим, ни чужим.

Но любовь, бескрайная как степь, любовь к родному — не могла умереть у детей Воли. Запылала она со всею силою тоски и страсти и — заговорила. Заговорила казачьими желаниями, казачьей тоской, казачьими муками, казачьими песнями, казачьим творчеством...

Степью запахло после дождя, невзгод и повседневщины. И **встряхнулись казаки.** Стали прислушиваться и учиться казачьи массы: учиться на промахах своей жизни.

Велик Бог Казачьего Народа; велика Вера, зажженная светильником Степи; неисчерпаема надежда Казачьей души и сильна ее любовь к своему. Прямая их жизнь, как степную ковыль ветер, но... **опомнились казаки:** степной дух оправил примятую ковыль. Начался период творчества. Как пифии на треножниках, подчас вскрикивали и вскрикивают свое старое «войсковые атамань». Дробясь на части, кликушествуют «союзники»...

Сильно волнуется казачье море. Все больше и больше обличиваются в его сознании — бывшие «вожди». Растет, обиженное судьбою и своими, и молодое поколение. Жизнь выдвинула новые лозунги, много кумиров старой жизни пало. Не отставая от жизни, закаляются

Давно уж это было... Сюда носили казаков, казачек... Теперь сюда никто не ходит...

**

Сегодня грустный день. И небо грустно. По голым веткам катятся слезы. Тихо сгуют на что то кипарисы. Иль — молятся?

Изябший пес забился под ограду, дрожит и тихо стонет... И смотрит на меня так недоумевающе:

— Зачем мы здесь?...

— А где - ж мне быть? 16 лет тоски по берегам родной Кубани. 16 лет день изо дня по капле крови оставить на чужбине!... А здесь кусочек моей Родины. **Здесь кости тех, кто верил слепо — Слепым!...**

И потому я прихожу сюда, чтоб мертвым братьям рассказать тоску свою по Родине. Поведаť им печаль свою — **как много еще казаков живут без имени и Родины.** Сказать об умерших друзьях - попутчиках и о сошедших с вольно - казачьего пути живых.

И отсюда бросить им упрек... Немой упрек от безименных сестер и братьев наших...

Чтоб совесть их проснулась поскорей...

Вода источника оценивается лишь после того, как он пересохнет.

(Греческая поговорка).

новые люди — люди нового времени, не зная предрасудков прошлого. **Казачество, в лице истинных выразителей его воли и надежды, говорит о Казачьей Воле.** Говорит потому, что, видя и переживая жизнь почти всего земного шара (где только нет казаков?), оно приходит к правильному заключению, что прошлая, действительно вольная жизнь Казачества, без наносных чужих влияний, была действительно счастливой жизнью...

Волнуется казачье море, но... «волнуются» и его бывшие вожди...

Я не хочу их обвинять. — они правы по своему. Воспитанные в чужой среде, впитавшие в себя поневоле чужую волю, пропитанные для них дивным, но умершим прошлым, затаив «грусть» об «об'едках» минувшего, идя спиною к будущему и, впив свой взор в прошлое, они будут шагаты так до того времени, пока не споткнутся и... упадут.

Но есть и такие, которые, подчиняясь зову крови, не желая отставать от своих и от времени, плывут к борту корабля Казачьей Воли. Период творчества и собирания казачьего народа продолжается.

Но нужно сказать, что **кому то «третьему» не нравится ВК мощь. Гнилое семя раздоров искусною рукою бросается в ВК чернозем.** Растет вражда. Вражда ненужная, вредная.

Независимо от того, что может быть не понравлюсь кое - кому я, стоящий в стороне от шумихи и споров, не ищущий материальных и иных благ ни от кого, втечении многих лет борющийся с невзгодами боевой там и эмигрантской жизни здесь, в бесспорно ответственный момент для Казачества, когда на экране жизни может всплыть и Казачье Солнце, считаю своею святой обязанностью поделиться с вольными и невольными казаками тем, что думаю.

Нам, не привыкшим «политиканствовать» (занимать ся же здоровой политикою нам запрещалось), люди различных партийных убеждений, подносят несвоевременное блюдо своих политических **верую,** отравленные ядом плохого прошлого и скользкого настоящего. Говорят нам о «борьбе двух миров», из которых один изломал нам жизнь, а другой кует счастье своим народам. Говорят о «страшной» диктатуре, о «спасительном» демократизме (как будто бы желая привить казакам то, что им уже привито давным - давно жизнью). И говорят это нам тогда, когда мы должны думать лишь о том, чтобы создать **одну сильную ВК семью, одну Национально - Освободительную политику,** с которой считались бы другие, могущие нам помочь. Период же игры в политику придет и сам, если это будет нужно, когда создадим государственность - державу.

(Мы живем в различных странах, с различными политическими укладами жизни. Как людям, и нам прививается уклад новой жизни. Но, все это временное, а в настоящий для нас момент — и не существенное)...

(Многим из нас известны имена лиц, в прошлом и настоящем не раз менявших свое политическое верую. О том, что они играли душами своих последователей, они не задумывались).

Может быть, в нормальной обстановке жизни нации, народ и может себе позволить многое, может позволить себе всякие эксперименты, но... у нас сейчас не то. Мы роскоши политической игры, а не настоящей Нац. Освободительной политики позволить себе не можем. Если мы ищем дорогу к возрождению Казачества, мы должны думать только о нем и ни о чем больше.

Сейчас нас делают чужие и свои. Чужие — преследуя определенную цель: уничтожение Казачества. Свои — в слепоте, подчиняясь воле «третьих лиц».

Время покрыло головы многих из нас сединою. Время отняло у нас лучшие годы. Мы были забыты почти всеми... И потому теперь только те, кто помнил о нас, кто болел за нас душою, кто искал для нас выхода, кто лелеял в душе своей Идеал Казачьей Воли, кто указал нам, или вернее, пробудил в нас наш идеал, тому только и можно дать право руководить нами.

«Тени прошлого» выплывают в последнее время на наших горизонтах. Принесшие в прошлом много несчастья казачьему народу, они ему не полезны и не нужны теперь. «Много» вождей Казачество иметь не может, ему нужен один выразитель его воли.

Нам не нужны вожди, работающие с суфлерами, подпадающие влиянию других, ибо чужая роль ведет к провалу нашего дела.

Нам не нужно вождей, которые свое временное политическое верую ставят выше интересов Казачества.

Не обязательны для нас союзники демократы или фашисты, если они нам не полезны. Нам нужны союзники, которые должны быть против коммунизма, против красного империализма, но не против нас. За нас, а не за наших врагов. Мы должны считать своими тех, кто с нами и против наших врагов. Это главное.

Нас не должен пугать вождь, воле которого мы подчиняемся все. Наша работа будет в «контакте» с его работой, пока он является выразителем нашей Воли.

Мы больше всего должны бояться вождей, воля которых подчинена воле чужих суфлеров.

Повторяю: есть люди, желающие провала ВК Идеи:

1. Чужие, которым не желательна Казачья держава.
2. Свои, не отказавшиеся от чужого и суфлирующие тщеславным, которые тоже желают быть вождями.
3. Тщеславные, искусно лавирующие меж берегами различных политических течений и «туманящие» головы себе и другим.

Исходя из этого, все вольные казаки, не смешивая народопрательства с самоуправством, демократизма с слюнявым непротивлением, фашизма с волею Казачества, где в прошлом Атаман в критические дни жизни Казачества был и царь и Бог, подчиняясь высшим интересам Казачества, не теряя времени, должны покончить с распрями, сеющими в нашей семье, и слиться в одно Ка

зачье море, которое бы разлилось по всем казачьим берегам.

Все лукавые или плохо продуманные нашептывания о «самостоятельности отдельных казачьих республик» — порождения политики «третьих лиц», нам далеко не дружественных.

Одна воля, один кулак, одна держава нужны нам.

Первая и самая большая наша задача: мир, любовь и дисциплина, ибо наши братья, блуждающие по чужим задворкам, видя наши ссоры, поневоле остаются у чужих людей, которые в последнее время особенно к ним предупредительны.

Второе — нашими несогласиями мы убиваем веру в нас у людей других наций, чем вредим Казачеству. Помочь этому можно только прекращением «грызни».

Подбывая авторитет выразителей нашей воли, мы тем самым роем себе яму, сводя свой Идеал к нулю. А посему, помня «одиннадцатую заповедь» — не зевай! — удаляя из своей среды беспринципных непостоянных эгоистов, тщеславных свыше меры и сеющих раздор, оберегая себя от сетей «третьих лиц» — волков в овечьей шкуре, призывая всех верующих в воскресение Казачества в свои ряды, мы должны, прежде всего, стремиться к миру, любви и дисциплине в своих рядах.

Казачество мы должны поставить выше всего. Помытая-же, что за свои действия нам придется давать ответ в будущем, следует уже теперь быть более корректными, внимательными и разумными в наших действиях. За Казачье Имя, за Казачью Волю, за Казакию, за Вольное Казачество наш девиз, а в единении — наша Сила.

Некоторые из нас твердят, а некоторые и пишут, что мы переживаем такие времена, что ссоры между казаками неизбежны. Может быть это и так, но я больше склонен думать словами блаженного Августина: «Многие твердят, что времена плохие, но пусть каждый станет добрым и времена изменятся»...

Поговорку же греков: «Вода источника оценивается лишь тогда, когда он пересохнет» — мы ни в коем случае не должны забывать.

Истина: «Где текло, там опять будет течь». Но, пересушив источник своей золотой мечты, мы можем очутиться в пустыне жизни и бесславно умереть, попираемые нашими явными, а еще больше тайными врагами.

Все у нас есть, кроме мира, любви и дисциплины. Только к этому взываю я, родные герои, остальное же приложится нам по делам нашим.

Пора, пора нам оставить «лукавые мудрствования» и партийные закоулки чужих. Мы должны знать, что наша политика одна: национально - освободительная. Это та поданная нам веревка, по которой мы можем выбраться из чужой ямы, полной национального и социального хаоса. Оставаясь — же в этой яме, мы будем очень похожи на того метафизика, о котором писал когда то баснописец Крылов.

Нам не нужно быть чужими — эс-эрами, ни эс-деками, ни кадетами, ни монархистами, ни чем другим. — Нам надо остаться самими собою, нужно быть казачьими националистами и денно и ношно помнить, что перед нами стоит одна основная наша задача:

Казачье Государство.

Да здравствует Казакия! Слава Казачеству.

Н. ПЛАХОВ.

Донские песни

(Окончание).

Участвуя чуть - ли не во всех войнах, которые вела Россия, и играя везде и всюду чуть - ли не первенствующую роль, Казачество, естественно, имело своих героев, которые создавали ему славу. Таких героев Казачество никогда не забывало, заносило имена их в свои песни и прославляло. В честь такого героя, как граф М. И. Платов, казаками сложено много песен. Вот одна из них:

«Славим Платова, героя — победитель был врагам;
Победитель был врагам, — слава донским казакам.
Вы Платова не ищите между русских войсков,
Знаем, знаем, где Платова, знаем, где его сыскать.
Знаем, Дон течет откуда, знаем, чем он украшен —
Украшен Дон славой громкой, сам собою доказал»...

А ген. Я. П. Бакланов — этот легендарный герой, который «на сивке в бурке носился, как колдун на об-лаках». Вот как расценивает его народ в своих песнях:

«Чести прадедов Атаманов,
Богатырь, боец лихой,
Здравствуй, храбрый наш Бакланов,
Разудалый наш герой!...

Ты геройскими делами славу дедов и отцов
Воскресил опять меж нами
Ты, казак из казаков»...

Итак, донские казаки расценивали себя очень высоко, несколько не ниже русского народа. И, если так сильно было развито у них чувство собственного достоинства, то оно должно было вытекать из безгранич-

ной любви к своей родине — Тихому Дону, к своему быту, ко всему чисто казачьему укладу своей жизни.

Понятие о родине у донского казака составлялось из следующих слагаемых: Тихий Дон, семья и колокольный звон, т. е. религия. А насколько сильно это чувство, чувство любви ко всему своему, ко всему родному, было развито у донских казаков, можно видеть из следующей очень характерной и образной песни. На одной из российских границ стоял Иловайский полк. Через три года службы он идет домой. Один молодой хорунжий по болезни оставляется. И вот, он обращается к казакам с просьбой:

...«Зашшамила у младца ретивое сердечушко.
Вы, добрые мои станичники, братцы Ермаковцы,
Купите мне повозенку,
Какую ни на есть лошаденку,
Постелите старый потничешко,
Положите подушку арчаншную,
Повезите на большой курган.
Да я гляну - погляну, милаи станичники,
В радимаю сторонушку —
Не откроются ли мне, колодцу, донские черни,
Не услышу ли я зову колокольного;
Не пойдет ли моя родимая матушка во Божью церкву;

Не отслужит ли она три молебна
И не пройдут ли мои болезни»...

Как видим, молитве верили и на чудодейственную ее силу надеялись. Все это говорит о глубокой религиозности донских казаков. Даже такого «вора» и «разбойника» (в русской оценке, конечно), как С. Т. Разин, казачий народ не считает богоотступником. В одной из многочисленных песен, посвященных этому подлинно народному поборнику, находим такие слова: взойдя на эшафот,

...«Поклонился он (Разин) народу,
Помолился на собор»...

Длительная служба казака, протекавшая, главным образом, в походах и войнах, вызывала жгучую тоску по родному краю, по семье, по родным, порождала иногда безнадежность... Так, в песне про Фрота Гуреева рассказывается: — На линии, на Тереке. Застава. «Командушка небольшая, все донская. За старшава, за урядничка — Фрол Гуреев — сын». Нападение черкесов. Команда перебита. И вот, «Фрол Гуреев - сын», чувствуя, что его ждет та же участь, восклицает — «Эх, не бывать мне на Тихом Дону, не слышать зову колокольного, отца - матушки не видать»... Или еще ярче в песне — «Проводы в поход»:

«...Ай не ходить то, братцы, боля нам по желтым пескам,

По пескам рассыпчатым;
Не слышать то нам боля зову колокольнава:
Не видать то нам боля свою роду - племени»...

Как видим, бесграничная любовь к своей родине — Тихому Дону, сильно развитое чувство религиозности, глубокое почитание родителей — вот основные духовные ценности донских казаков. Читя родителей, заботиться о их старости — было долгом, обязанностью казака.

...«Ой я свернусь, ворочусь к своей матушке,
Ой я век буду и поить, и кормить Свет роднаю.
Ай допою, докормлю свою матушку,
Ой да родимава свою батюшку»...

И этот неписанный закон почтительного отношения к своим родителям свято соблюдался в казачьем народе. И, если находились непокорные, нарушавшие этот закон (что было очень редко), то такие приговорами станицы просто изгонялись из казачьей среды с лишением всех гражданских прав.

Донские казаки, как жители безграничных степных просторов, т. е., как говорится в одной песне, страны, где «гуляют лишь ветры да орлы», были конниками. Вся их служба протекала на коне. Вся почти жизнь казака была тесно связана с конем, этим умным и благородным животным. Поэтому, не безынтересно знать, как же относился казак к коню? А вот как. В песне «Смерть казака в Грузии» рассказывается: Смертельно ранен казак. — «В ногах стоит душа добрый конь. На кизилловом стоит на приколке, на шелковом на чунбурике»... И говорит казак — «мотни, махни, раздушечка, добрый конь,

порви шелковый чунбурик и беги на Тихий Дон к моим отцу - матери, отнеси им niskий поклон»...

И в песне «Смерть казака Нефедова» говорится: «Залетала пулечка в полки казачие и попадала пулечка казачка что ни луччива, сыночка Нефедова»...

Будучи смертельно ранен, падает он на «черну гриву коня», а потом уже на «сыру землю» и, обращаясь к коню, говорит: «Ой да ты прости, раздушечка добрый конь», а дальше смысл таков: если приведет Бог побывать на Тихом Дону, то рассказать всем про смерть казака. А в песне «Казачья памятка» прямо говорит отец сыну — «Сам ты ешь поплоче, но коня ты в ходе удержи»...

Песен посвященных специально коню, очень много в казачьем народе и во всех песнях конь неизменно выделяется «раздушечка добрый конь», «душа добрый конь» и т. д.

Одним словом, конь для казака лучший, верный и неизменный друг. Да и неудивительно. В ту эпоху, эпоху конницы, когда и жизнь, и смерть зависели всецело от выносливости лошади, конь для казака «был всего дороже». Недаром каждый казак - отец, справляя своего сына на службу, старается дать ему прежде всего хорошего коня, что и находим в песне «Казачья памятка». Говорит отец сыну:

«Даю тебе коня гнедого,
Он добровит был у меня.
Он твоего отца седого
Носил в огонь и из огня»...

Я уже говорил о том, что казачьи песни разнообразны. Разнообразие это видно и из того, что нет такой стороны казачьей жизни, быта, что не было бы отмечено в песнях. Вот почему я говорил, что казачьи песни — неписанная история казачьей жизни во всех ее оттенках. Так, например, в песне «Раненые братья под сырым дубом» мы находим следующее: младший брат обращается к старшему с просьбой: «Ой да схорони мене, братец, при битой дороге, при высоком при кургане. Ой да куда, братец, не поедешь, все ко мне, братец, заедешь».

Здесь мы сталкиваемся уже с мистикой христианства, истоки которой, вне всякого сомнения, надо искать в глубокой религиозности народа. Христианство, конечно, не могло не отразиться на психологии казачьего народа, а глубокая религиозность, дошедшая временами до фанатизма, позволила впитать в себя и всю мистику этого учения. Христианское учение говорит, что умирает только тело, душа же продолжает незримо витать среди живых. Таким образом, в памяти народной крепко установилась вера, что мертвые и после своей смерти продолжают иметь общение с внешним миром. Отсюда, естественно, стремление даже на войне, быть похороненным поближе к людным местам или «при битой дороге», или «при высоком кургане». Этим, и только этим объясняется и происхождение крестов, которые приходилось видеть при дорогах или просто в степи, поставленных в знак смерти на том месте того или иного казака или казачки, последовавшей чаще всего от удара «грома» (молнии). И каждый казак знал, еще при жизни, что какая нибудь сердобольная старушка, проходя или проезжая, при виде такого креста, обязательно перекрестится и скажет: «Чья то душенька покоится, царство ей небесное».

Кроме того, христианство учит еще, что всякий христианин обязательно должен быть «предан земле», т. е. похоронен, а не брошен, «как собака», в поле. Казаки же рассматривали этот вопрос еще и с другой стороны, и чисто национальной, если так можно выразиться. Национальная гордость требовала от казаков и соответствующего взгляда на самих себя даже и после смерти. А поэтому, понятным становится стремление, чтобы «тело белое казачье» было бы похоронено, а не становилось бы добычей хищных птиц и зверей. Вот характерная песня на такой случай:

«...Под ракиновым кусточком
Лежит тела белая,
Тела белая молодецкая,
Молодецкая, эх, все казачья!
Никто к телу не привернитца, не приступитца.
Приворачивали, приступали черные воронья.
Ой да не столь клюют, все врозь ташут»...

Этим же, отчасти, объясняется и тот факт, что казаки очень мало и неохотно сдавались в плен. Плен, в особенности в те далекие времена, когда пленных подвергали всяким пыткам, тем и страшил казака, что после всех мук и страданий, тело его будет выброшено в добычу хищным зверям, с чем гордость казачья не могла мириться. В песне про полк Иловайского (Турецкая война, ок. 1774 г.) говорится: Атака на батарею. Полковник ранен. И вот он обращается к казакам:

«...Ой да уж вы стойте, донцы, не робейте,
Себе не жалейте,
Мене врагу на посмешище не отдайте»...

Указание на то, что казаки в плен не сдавались, мы находим уже еще в песнях про Ермака. Так, при взятии Казани Ермак отдал такой приказ: «Не берите во полон ни одной души, как и плен казакам донским не надобен»...

К обязанностям службы казаки относились честно и были неподкупны. И на это находим указание в песнях. Так, в песне «Молодой майор в тюрьме» рассказывается: На часах донской казак - малолеточек. Приходит к нему майорская дочь и просит выпустить на свободу отца. Казак говорит:

«...Ох, и глупа же ты, девка красная, дочь майорская,
Вот и ну, не я посадил, ой не я и выпущу»...

Казачество, вначале в силу договорных отношений, как союзник русских царей, а потом в качестве просто главной и непререкаемой силы, участвуя во всех войнах и походах, которые вели русские цари по расширению границ своего государства, естественно, вынуждены чуть ли не всю свою жизнь проводить вне дома, в службе. Поэтому, вполне уместно спросить, как же относились казаки к такой службе? Ответ на этот вопрос находим в песне «Сторона Грузинская» —

«...А-ой, да вот и надоела нам службица, надокучила;
Добрых коней позамутила;
Частыми походами, чижелыми переходами поза-
мутила;

Положила службица много казачьих головушек;
Прослезила службица много отцов - матерей;
Завдовила ты много молодых молодухек;
Засиротила, служба нужная, много малых дету-
шек»...

Ответ, как видим, очень точный и ясный. А вот еще «Тоска казака на чужой стороне»: «Во чужой было во земелюшке, на чужой дальней на сторонушке и пива пьяная и вина горькая и на похмелье чижоловая... И вот, вина пить не хочется, гулянье на ум не идет — «Захотелось добру молодцу на Тихом Дону побывать, отца с матерью повидать, с молодой женой поздороватца»...

И в песне «Жалоба молодца на тяжелую службу» (Турецкая кампания) — жалуется казак на то, что голова его поседела, борода побелела и все это и не с пива, и не с зелена вина, и не от меда сладкого, а «сыстарила молодца чужая дальняя сторонушка, сторонушка все турецкая, сильная да канпаньница»...

Так относились к службе казаки как бы персонально. Нудились, тосковали по семье. А как же весь Дон в целом относился к службе «нужной». Ответ находим в песне «Ты кормилец наш, славный Тихий Дон» (Севастопольская кампания).

«...Ты кормилец наш, Тихий Дон,
Бывало, быстер бежишь,
А таперича Дон, наш Тихий Дон,
Смутен ты стал.
Помутился Дон весь ты сверху до низу —
От озера Иванова до города Черкаскаво
Помутили Дон три земли — турецкая, французская
и английская».

Вне всякого сомнения, что Войско Донское всецело не могло восторгаться всякому удлинению службы «нужной».

Долгая и нудная служба приучала казака искать каких то развлечений на стороне, главным образом, в среде тех обитателей, где протекала служба. Конечно, цен-

тром внимания казака в таких случаях были обительницы этого края. Что это было иногда, находим в следующей игривой песенке —

«...Ой да горя, горя ему молодому — коню сена
нету,
Да еще горе тому молодому — квартирушку ему
нету.
Молодая ево паненочка к себе в гости просит —
Прошу, прошу, донской казачечик, к себе на квар-
тиру,
На рыбочку линину, да на мягкую перину»...

В силу создавшихся исторических условий, казаки большую часть своей жизни проводили вне дома, вне семьи, в службе. Дома, следовательно, оставались старики и женщины, т. е. матери и жены. Как же реагировали казачки на «службу нужную» казаков? Как переносили длительную разлуку с своими отцами и мужьями? На этот вопрос есть очень много песен и все они преисполнены неизбывной тоской и грустью. Так, в песне «Горе казачки, провожающей мужа на службу» находим такие слова: «Мене, молодешеньку, младец покидая и как одна останусь я, горькая бабеночка»... А вот еще: «Кручина казачки по убитом муже»: Свекровь спрашивает сноху, почему она кручинится ходит не снарядная. Невестка отвечает:

«...Ой я слыхала, бабочка, вести нехорошие —
Я слыхала — все полки казачие, полки сменные,
Все полки домой идут.
А от маво от милава, дружка любезнава, коня ве-
дут, —

Коня бурава, коня черногривова»...
Мать, конечно, еще более переживает разлуку со своими сынами. Вот характерная песня — «Сын утешает мать перед походом»:

«...Не плачь ты, не плачь, родимая моя маменька,
Опасля мене наплачиси.
Я со сборнава места, родимая моя маменька,
Тебе письмецо пришлю»...

Какая сила сыновьей любви в этих немногих и простых словах! Благовейное отношение к семье, к родителям, уважение старости — главные основы духовной мощи Казачества. Врожденная патриархальность казачьей семьи спасла Казачество от распада, послужила цементом казачьего единства.

Расценку глубины горя матери, сестры и жены находим в песне: «У ключика у текучева лежит тела белая»... И вот, никто к телу не приступится, не привернется.

«...Приступались три ластушки, три касатушки,
Да все черные, да все родные.
Первая ластушка — родная матушка,
Вторая ластушка — сестрица родная,
Третья ластушка — молодая жена.
Как и мать кричит — што река бежит,
Как сестра плачет — што ключи текут,
А жена кричит — роса утренняя,
Роса утренняя — до вечеру»...

Я уже говорил, что казаки избегали плена. Но случаи, конечно, были, когда и казаки попадали в плен. Интересно, поэтому, знать как же переносили казаки плен. Судя по песням, переносили они его очень тяжело. Тоска по родному Тихому Дону, что называется, с'едала казака. Вот маленький отрывок из песни — «Казак просится из неволи»:

«...Да на стулице сидит турецкай да Демьян - князь.
Перед ним стоит млад донской казак, все неволь-
ничек.
Да не так-то стоит млад казак, — слезно плачет.
За рыданицей он словушка да не скажет.
За слезами то он сырой земли да не видит.
Ретивым сердцем все невольничек вздыхает
Да про батюшку Тихий Дон вспоминает»...

Про плен, про неволю есть много песен и все они преисполнены бесконечной грустью по родному краю. Особенно хороши песни про неволю казаков Запорожцев...

ЕФ. ЯКИМЕНКО.

По пути на Дон

В станице Успенской стало известно, что восстали донские казаки и что мы теперь можем прийти на Дон и отдохнуть у своих братьев, как дома. Пройти, однако, на Дон было везучо не весьма просто.

Через Горькобалковскую и Плоскую попадаем в село Лежанка (Средний Егорлык) в страстную среду. Так же, как и в Горькой Балке, не видно мужского населения. Сумрак уже опускается на землю, когда последние подводы «кадет» вехали в село. Знакомство с обстановкой убедило командование, что располагаться очень «по-домашнему» здесь нельзя. Мужское население, при известиях о приближении «кадетов», покинуло село и направилось в с. Лопанка, что в направлении Песчаноконского и, вероятно, не останется пассивным.

Ночевали по дворах, на открытом воздухе, на подводах, на арбах. Усиленное сторожевое охранение было выставлено по всем направлениям. Ночь прошла спокойно.

Утром, в страстной четверг, разведка донесла, что на пол-пути между Лежанкой и Лопанкой обнаружено большое сосредоточение большевиков.

Они не заставили себя долго ждать. Во всех церквах звонят в колокол, сзывая верующих в храм Божий, а со стороны Лопанки со свистом несутся снаряды. визжа и грохоча.

Теплое весеннее утро. Вся первая бригада (1-й Кубанский стр. полк и 1-й офицерский (Марковский впоследствии) полк) выступает в сторону селения Лопанки. Сейчас же за селом Марковский полк берет вправо и за изгибом местности исчезает из поля зрения. На подводах движется вперед только наш полк. Нас заметили, уже обстреливают, но ни пулеметный огонь, ни винтовочная стрельба еще не поражают нас.

Дошли до возможного предела на подводах, а потом встали и перестроились в боевой порядок. Стало хорошо видно большевиков. Весь выгон, на котором стояли мергяные мельницы, был черным от скопления их. Справа видим, как на изгиб местности выходят цепи марковцев. Наша артиллерия, молчавшая до сего времени, открывает огонь. Все понимаем, что сейчас начнется решительное наступление. С нашей сотней идет В. И. Крыжановский, командир батальона. Все внимание устремлено на замешательство большевиков, которое, вероятно, вызвано тем, что наступление наших сил идет в лоб и с фланга.

Медленное продвижение с остановками. Прискакал какой то конный. Что то доложил полковнику и ускакал. Решительно переходим в наступление. Внимание большевиков явно сосредотачивается на их флангах. Как потом, часа два - три спустя, мы узнали, слева была послана черкесская кавалерия. Огонь со стороны большевиков по нас совсем слабый. Смотрим вперед, видим их, видим, собираются то у одной, то у другой ветряной мельницы кучками. Редко, но метко бьет наша артиллерия. С ревом разрываются бризантные снаряды. Поспешно, без всякого серьезного сопротивления, большевики начинают отходить. Свернулись в колонну, приближаемся к селу. Приятно светит весеннее солнце, чувствуется предпраздничное настроение. Хорошее настроение у всех, т. к. нет ни одного раненого, ни одного убитого. В юнкерской сотне это первый случай за весь поход, когда во время боя не было потерь.

День был на исходе, когда вернулись обратно в Лежанку. Перед оставлением Лопанки удалось выяснить, что большевики собирались под мельницами для митинга. Главным образом — местные большевики села Лежанки. Хотелось им Пасху провести дома, но не знали как этого достичь. Жители рассказывали, что там раздавались голоса о вступлении в переговоры о перемирии или даже о сдаче, лишь бы праздник провести с семьей. Но командовали не местные, и они то и настояли на том, чтобы никаких переговоров не было, что завтра же «кадетов» они загонят в «мешок» и всех перебьют, а пока что... «товарищи» спасались.

Возвращаемся в Лежанку уже на закате солнца. Собираемся идти в церковь на «Евангелие с разбойником». Солнечный закат багровыми полотнищами возвещает, что на утро нужно ждать бури...

— «Бури ли только климатической», — проносилось в голове. Не страшна эта буря. Буря человеческой злобы и ненависти куда страшнее и куда нежелательнее, особенно в эти дни, когда приближается день праздника победы жизни над смертью, день, когда священнослужитель с амвона, читая огласительное слово Св. Иоанна Златоуста, восклицает: «Смерть, где твое жало! Ад, где твоя победа!»

Нет, не страшно жало смерти, нет, не достигнет ад победы над духом людей, свободу которого, свободу духа они ставят выше всего...

В страстную пятницу рассвет только обозначился, когда нашу юнкерскую сотню подняли и приказали собираться.

«На Дон, к донцам», мелькает в голове.

Нет, ошибается мысль. Идем в сторожевку, чтобы охранять дороги, идущие со стороны Кубани, со стороны Плоской и Новороговской. И не столько для охраны этих дорог, как для того, чтобы принимать идущих к нам казаков (одиночек и небольшими группами).

Рассвело совсем, когда были расставлены посты. Ветер дул немилосердно. С наблюдательных постов заметили, что в сторону Лопанки происходит что то. С колокольни видно, что большевики готовят наступление. Видно, что и наши части сосредотачиваются. Перестрелка разведок. Сначала редкие, а потом и частые ружейные выстрелы. Прогрело два - три орудийных выстрела. Значит, начинается настоящий бой.

Прибегает конный с каким то приказанием. Командир сотни приказывает трем взводам стянуться в район церкви. Приказание гласило: «оставить один взвод для наблюдения за дорогами, а остальной сотне прибыть туда то»... Ни один бой за весь поход не обошелся без юнкеров. Мало нас осталось. Теперь мы сведены в одну сотню, но боевая лихость не покидает юнкеров.

Сам командир сотни, подесаул Трипольский (ныне войсковой старшина), расставил посты и поясняет портупей - юнкеру, что ему делать при всех случаях.

Молча выслушал приказание портупей - юнкер и, добавив полагающееся по воинскому уставу: «Слушаю», глубоко вздохнул. Этим и кончилась мимолетная духовная слабость.

Сотня на подводах двинулась по своему назначению. С наблюдательных постов видно было, как разгорался бой. Большевики отходят или собираются сделать какой то маневр. В сторону охраняемой нами окраины явно передвигаются большевики. Каково их намерение, неизвестно. Портупей - юнкер принимает нужные меры. Ставит пулемет, расставляет взвод на тех местах, где это ему кажется нужным.

Меры оказались не лишними. Большевики ринулись и сюда, вероятно, не предполагая встретить тут сопротивление. Пулеметный огонь и дружные залпы встречают их. Там, на главном фронте, они уже отступают, принимая влево по всему фронту. Зорко с наблюдательного поста следит за всем этим взводный портупей - юнкер. Улыбается и решает, что номер товарищей не пройдет, да и «главные силы» не оставят нас. (Он под «главными силами» понимал свою юнкерскую сотню).

Уже поражают большевиков, сосредотачивающихся против охраняемой взводом окраины во фланг. Хорошо, без промаха, бьет наш пулемет. Наша победа обозначилась. Прискакал полковник В. И. Крыжановский и расцеловал портупей - юнкера...

До вечера все было спокойно. Вечером, уже поздно, приехал подесаул Трипольский и сказал, что мы остаемся здесь, а остальная сотня идет на Дон, в станицу Егорлыкскую завтра утром. От него же узнали и о том, что за день боя было несколько человек раненых и один убит. (Убит юнкер Огиенко, станицы Новодеревянковской Е. Я.). Грустно, что ряды наши редеют.

Ночь под субботу прошла спокойно, прошел сравнительно спокойно и день. С наблюдательных постов видны были длинные вереницы вытянувшихся по дороге под вод. В бинокль видим и людей, идущих пешком. Большевики обстреливают дороги орудийным огнем.

Приехала связь, два конных, из штаба самого ген.

Маркова, а к вечеру прибыло еще несколько человек. Холодная Пасхальная ночь прошла, в общем, спокойно. Но близость храма Божьего и доносящиеся звуки пасхальных песнопений вселяли в душу грусть.

Ну, вот и день. день пасхальный, день радости, а нам и радости нет. За каждым углом можно найти охотника на твою жизнь. Разговелись. Ветер утих и день был таким, каким пасхальный и быть должен. Светит солнце, все дышет празднично. Со стороны ст. Новороговской начинают показываться подводы. Подъезжают к заставе. Едут казаки, едут казачки проведать мужей. Они думают, что это им все равно, что проведать мужа во время лагерных сборов.

После обеда в направлении Лопанки опять неспокойно. Опять слышны редкие выстрелы, но пока что этим дело и ограничивается. Прибегают конные и приказывают сниматься и идти в село.

Предводительствуемые приезжавшими «квартирными», входим в село. Указывают двор, где мы должны остановиться. К этому времени как будто начинается настоящая бой. Со стороны большевиков уже стреляют из орудий, а это первый признак того, что они желают драться.

Первому батальону приказано сосредоточиться на окраине села. Второй стоит по дворам в полной боевой готовности. Нужно сказать, что в этой самой «полной боевой готовности» мы находимся во все время похода.

Время клонится к вечеру. Приказано вытягиваться по дороге на ст. Егорлыкскую. А между Лежанкой и Лопанкой происходит оживленная перестрелка. Вытянулись. Видно, как медленно отходят те, кто сдерживал напор большевиков. Отошли и конные. В хвосте колонны видна белая шапка ген. Маркова. Отход, вероятно, был несколько поспешным, т. к. большевики повели правильное наступление, а их артиллерия обстреливает нашу колонну. Приказание встать с подвод и принять боевой порядок. Привывшие к этому, быстро разворачиваемся. Наступавшие большевики остановились, а потом, сначала медленно, а дальше быстро, «навскачка» они начинают отходить. Артиллерия все же бьет часто. Останавливаемся. Конница преследует отступающих, а мы опять на подводы. Заходящее солнце освещает степную гладь. Скоро позади не слышно выстрелов. Темнеет и мы сворачиваем с дороги вправо. Юнкер М., донской казак, знавший здешнюю местность, сказал нам, что идем не на Егорлыкскую, а в сторону железной дороги.

Подъехали к каким то хуторам. Отдохнули немного и двинулись дальше. К рассвету подошли к железной

дороге. Сейчас же, на глазах большевиков, сдерживаемых какими то неизвестными нам частями, приступили взрывать железнодорожное полотно «миром». Это был новый способ в военной практике взрывать полотно «миром», а изобрели этот способ восставшие донцы. О нем мы знали еще в станице Успенской, где командир стрелкового полка полк. Тунеберг, в юморе которому отказать нельзя, рассказывал нам об этом. Способ взрывать полотно «миром» заключался в том, что развинчивался путь, выбивались винты, придерживавшие шпалы, последние складывались штабелями, поливались чем либо горючим и поджигались. За рельсы бралось несколько десятков человек и сгинали их в спираль. Железнодорожная насыпь лопатами сравнилась с землей.. Весьма быстро усвоили мы этот способ.. взрывания полотна «миром». Работа закипела дружно и к обеду довольно большой участок полотна был испорчен.

Все это происходило на виду у большевиков. Виден был их бронепоезд, который набравшись храбрости, время от времени подходил довольно близко и выпускал несколько снарядов и несколько пулеметных очередей. «Разойтись» все же ему не давали, т. к. находящиеся впереди части сейчас же обозначали наступление, а маячившие по сторонам конные совсем убивали его кураж.

Наконец, работа закончилась. Приказано стягиваться в балку, где были подводы. Начали отходить и те, кто удерживал бронепоезд на почтительном расстоянии. Но теперь не страшно. Он все равно близко подойти не может, т. к. путь «взорван».

Тронулись на станицу Егорлыкскую. Весело похрюпывают кони, застоявшиеся за это время. Вот видна уже колокольня церкви. Сердце наполнилось радостью. На окраине станицы встретили нас квартирьеры. Слышим распросы — «где юнкерский взвод?».

— Здесь, здесь! — кричим все.

По улице, свободной от подвод, двинулись рысью за квартирьером. Около дворов стоят донские казаки, казачки, парубки. Радостно бьется сердце, проникнутое уважением к этим степным рыцарям, которые сами восстали, выгнали большевиков и дают нам приют. Но грустно при мысли, что моя Кубань, Кубань таких же казаков. как и донцы, еще не проснулась, еще не заговорила по-казачьи.

Ждать, однако, долго не пришлось. Скоро начался и там ледоход. Восстала и Кубань, забурлила Многоводная и Раздольная..

С Л Ы Ш У !

Дорогие мои друзья! На ваш вопрос и крик душевный, раздавшийся со страниц 218-го номера журнала «ВК» — «Слышишь ли, батьку?» — я даю ответ ясный, как и встарь перед боем: «Да, слышу! Тоскую, как и вы, по тем прекрасным далям, где 17 лет тому назад, на поле чести шел бой за лик отчизны милой. Чувствую и переживаю, как мелькают дни за днями, проходят месяцы, годы... Тосклива жизнь наша, уныла: при свете дня стук кирки да лопаты, звук молота и лома, да шум машины, а под покровом ночи — рыдания о Доне Тихом, о полях... И здесь, вдали от Родного Края, на чужбине, работая как батрак, — пока горит души лампада, подвожу итоги тернистой пути..»

Что сокрушает вас, родные? Что придавило и угнетает вас? Вы говорите о усталости души? А ведь все то могучее, что двигает на подвиг, что дает силу для борьбы, все это — у вас же самих, в вашей же душе, в ваших мыслях, в вашей алой крови, в вашем даже подсознании. Это — **Казак!** Неужели вы забыли свое имя? Вы спрашиваете: какой избрать нам путь?

Из туманных далей прошлого красиво, величаво выступают образы великих дел бойцов... Рисуются походы, кровь, шум битв и жертвенный порыв за Тихий Дон, и только за него, за Казачество. Давно то было. Но в том далеком прошлом путь у казаков был один и прямой — **КАЗАЧИЙ!**

Проносится пред взором и иная картина: — 1613 год. Обширный зал Земского Собора в Москве. Из ря-

дов выборных выходит Атаман Межаков, приближается к столу, кладет свое «писание».

— «Какое ты писание подал, Атаман?» — спрашивает председатель, князь Пожарский.

— «О природном царе Михаиле Федоровиче!» — ответил Атаман.

В подтверждение сказанного, через открытое окно, с Красной площади врываются звуки лягга шашек и крики пятитысячного отряда казаков. Это было тогда весьма убедительным.

«Прочтеши писание атаманское, — пишет летописец, — быть у всех согласен и единомыслен совет».

С этого момента свободная Донская республика вступает в особые договорные отношения, как равный с равным, с Москвой, с Великороссией.

На протяжении двух царствований высокие договорившиеся стороны уважают свои подписи на договорах, но затем следуют грубые нарушения их со стороны царского правительства, а Казачество отвечает на это через своих Атаманов — Булавина, Степана Разина и Пугачева да так, что начинает шататься и само здание Московского государства. Но, в конце концов, Москва оказалась сильнее, вернее — хитрее казаков..

Казачество лояльно служит императору, как символу, объединяющему его с Российской империей, поливая своею кровью великие пространства Европы и Азии. И не вина казаков, что народ Великороссии, докатив-

шись до символической фигуры Распутина, зверски убил своего царя и императора России.

Звенья единой цепи распались. Казачество инстинктивно отшатнулось от большевиков москалей, но по инерции продолжало еще двигаться по имперской дороге. Двухвековой сон договора с империей сразу, резко не был нарушен. **Казачество просыпалось медленно и в этом его несчастье.**

По мере того, как становилось ясным, что воссоздать Российское государство свободным уже невозможно, народности ее заговорили о самостоятельности — Финляндия, Эстония, Латвия, Украина, Грузия и друг. О самостоятельном бытии заговорило и Казачество, но не сумело резко поставить себе только эту единую задачу — за свою независимость. Спросонья, Казачество даже в беглом от своего взбунтовавшегося народа ген. Деникине увидело как бы носителя и преемственника власти Российской империи и **в этом вся трагедия и неуспех Казачества.** Вместо того, чтобы принять ген. Деникина по старому обычаю, что с «Дона выдачи нет!» и заставить его уважать интересы Казачества, мы поступили как раз наоборот. И поэтому, перед вашими глазами прошли страшные картины, когда родные нам реки — Дон, Кубань и Терек несли тяжелые, беззвучные, кровавые потоки казачьей крови... Страшные картины давно минувших времен средневековья побледнели перед этим новым смерчем.

Что представлял из себя ген. Деникин? Чем являлось русское белое движение? Какие были его устремления и возможности, я. во имя беспристрастия, ответ на эти вопросы представляю дать перу близких по духу, по крови, по мышлению его же боевым соратникам.

Ген. Врангель, в своих воспоминаниях пишет о Деникине: «большую часть своей службы провел в армии и поэтому сохранил черты этой среды: провинциальной, мелко - буржуазной. Судьба неожиданно свалила на плечи его огромную, чуждую ему, государственную работу; он, видимо, терялся, не верил никому и не имел сил в себе вести по бурному политическому морю государственный корабль, он не был подготовлен и не понимал совершающихся вокруг него сложных событий. Таков был и его штаб».

С Деникиным шла горсть русской молодежи, пылкой и жертвенной, шедшей на смерть во имя безымянной идеи. С Деникиным прибежала на Дон многочисленная великорусская интеллигенция, боявшаяся, однако, подставить под пули свои животы, откормленные в прошлом за счет русского крестьянства. Она заполнила все тыловые учреждения, «кушала» казачий хлеб и за это старалась всячески нагадить приятным им, травила, вместе со своим «вождем», казаков, убивала казачьих избранников. К стыду Казачества, нужно признать, что и в этом деле помогли им и некоторые казаки. Донцы даже отпустили одновременно до 200 милл. рублей на издание глупейших, бездарных листовок и брошюр, в которых сквозил дутый русский патриотизм и велась борьба с казачьим сепаратизмом. У Атамана Краснова в пору его сношений с немцами (как равный с равным!) блеснула было красивая мысль, но, к сожалению, скоро погасла... Забыли мы тогда свой **казачий шлях!** Казачество вступило в союз с белой Россией, подперев ее дело (своей серьезной силы у нее не было).

Что же несло белое движение?

Деникин, вступив в командование Добрармией, объявив себя диктатором, повел сразу же борьбу с народностями Кавказа, объявил войну Украине и блокаду Кубани...

Красные полчища вторглись в пределы Казачьих Краев...

Что же двигало эти полчища и что они собой представляли?

Земля и воля! — вот был главный рычаг движения этих громадных сил. На нас шел не интернациональный коммунист, а шел русский крестьянин и рабочий, руководимый единой военно - политической властью Ленина. Шла русская интеллигенция, шло русское рядовое офицерство, шел русский генеральный штаб, не посмевавший поднять руку против своего народа...

Что же противопоставлял всему этому Деникин?

Его лозунг: «Единая, неделимая» был неопределен, но зато был ясен его земельный закон: первое — в пользу помещиков одна треть зерна, половина трав, одна шестая корнеплодов; затем — туманные обещания

отчуждения земли в пользу крестьянства по истечении трех лет после окончательного успокоения окраин государства Российского.

Вы помните, как в вашем тылу, за вашей спиной всякие «белые» контр - разведки и карательные отряды пели «Боже, царя храни!», пороли русских крестьян и выбивали из них причитающуюся по их решению долю в пользу русских помещиков. Все это вызывало чувство злобы у крестьян и они, вливаясь бурными потоками в красную армию, уничтожали... казаков, кровавыми своими лаптями топтали казачьи земли, казачьи права, издевались над стариками, женщинами, детьми и даже над могилами казачьих героев...

Таким образом, русское белое движение было ярко контр - революционным по отношению к своему народу, а по отношению к другим народам — Грузии, Украине, Казачеству (особенно Кубани) — насильническим.

Казачество, по существу, было чуждо стремлениям русских помещиков, но глупо ввязалось в чужую борьбу, поставив перед собою две цели: борьбу за Казачество и борьбу за Россию. Погнались за двумя зайцами и жестоко проиграли.

Осталась ли в душе казачьей хотя бы слабейшая, даже незримая, тень веры в возможность казачьими руками осуществить все же эти две цели? Я уверен, что у большинства казаков этой веры нет. Да и правильно это. Значит, и в данном случае держитесь только одной определенной — своей родной казачьей дороги.

Допустим на мгновение, что ошибки «вождей» прошлой борьбы учтены, что страдания русского крестьянства, толкнувшие его на революцию и обьятья с коммунистами, прочувствованы и желание принести мир и благоденствие на русскую землю горячо и искренно, что казаки решили идти и во второй поход на Москву, чтобы устроить дела московские и очищать затем и свои края от всякой нечести, как пишет один из моих друзей, но — кто же были бы у нас попутчики из «стана белых?».

Чтобы ответить на этот вопрос ясно и отчетливо, я приведу выдержку из газеты «Сигнал», где глава доблестных дроздовцев, ген. Туркул, и его соратники довольно ярко рисуют картину духовного облика русской эмиграции и ее вождей:

«Как грибы после дождя, начали вырастать бесчисленные политические партии, союзы и группировки со своими собственными программами, «вождями» и «главами». Политическая вакханалия захлестнула буквально всех, не исключая, к сожалению, и некоторых членов на шей династии... И дальше: «шкурный вопрос во всей его бесстыдной наготе всплыл на поверхность эмигрантского болота; никогда в эмиграции не было столько шкурников, как теперь. И это — те «спасители России», которые спасали здесь и «там» только себя, им «все равно где быть: у красных или у белых лишь бы сытно и спокойно жить». Жалуются также автор и на то, что в так называемой «русской секции» французской рабочей организации ведется открытая большевистская пропаганда, что каждый честный русский обязан бойкотировать эту секцию, но «наши ваяют именно в эту» секцию, горестно констатирует подп. Чернощеков.

Даже самый яркий любитель малинового звона московских колоколов из казаков Дона, Кубани, Терека, Астрахани и Урала глубоко задумается при виде этой жалкой человеческой пыли и не пойдет, вероятно, он также не только по «секциям», но и по приходам чужих партий, союзов и группировок в поисках «национальной русской идеи», а скорее пойдет к своим казакам искать свою казачью идею, свою казачью дорогу...

Каково же отношение дроздовцев к военным организациям и их вождям?

Ген. Туркул, обращаясь ко всем солдатам всех народов — к русским солдатам и славным донцам, кубанцам, терцам, астраханцам — пишет: «Никто и ничего не сделает для России и русского народа кроме нас самих. Сознать это каждому — значит перестать ждать **пресловутых приказов.**»

Полк. Петров заявляет: «за время борьбы штыки свою работу делали, но штыками все же управляла человеческая душа и вот для души созданной нами армии ничего не делалось»...

В другой статье говорится о том, что на Берлинском съезде фронтовиков комбатантов всех армий не были ни-

кем представлены русские комбатанты. «Прежде всего», — заявляет автор, — «это показывает импотентность наших военных организаций, занятых консервированием «кадров», вернее их списков и, особенно, молебнами и панихидами. Наши «аполитичные» организации проспали зарождение новых сил, благодаря этому мы, как больные, плетемся в обозе современных событий никому не нужные, бесцветные и почти позабытые».

«Мы виноваты, что наши организации, украшенные пышными и красочными вывесками, мертвы, как покойники, и пусты, как полки советских магазинов: украсив себя титулом активности, похоронили его под звук бокалов на банкетах. Мы не имеем общего голоса и общего плана борьбы».

Мы, казаки, ясно понимаем всю горечь душевных переживаний доблестных дроздовцев и их жуткое одиночество здесь, но также мы ясно понимаем и их подход «туда», где когда то был «свой» русский народ, от которого они оторвались, были этим народом биты, изгнаны. И этот русский «теперешний» народ, в лучшем случае, только подозрительно посмотрит на приближающихся из «прекрасного далека» с знаменем: Россия — Святыня, Россия — Справедливость, Россия — Империя». Ведь было же у Добровольцев зная «Велнкой, Единой, Невделимой». Что из того вышло, мы, казаки, знаем, а поэтому честно пожелаем дроздовцам счастливого пути на Москву, а сами, на перекрестке Европейских дорог, показавшись в своих грехах перед Казачеством, вольными и невольными, сожжем (у кого они еще залежались в карманах) все программы всех русских партий, союзов и группировок, отряхнем прах всех прихожих всех российских организаций (если кто там был) и двинем единой казачьей дорогой на Дон, на Кубань, на Терек... — на казачьи реки, на казачью Степь.

Мы не будем здесь, в изгнании, разрушать нашего привычного уклада жизни. Мы сохраним свои казачьи, овевянные славой полки. Не будем изменять или выводить ненужные новшества в свои станицы и хутора. Мы выделим, однако, из полков и станиц людей сильных духом, людей смелых, способных на жертву, одаренных искрой Божией для распознавания грядущих событий на международной арене. Они зорко должны следить за всем и, что клонится к процветанию и славе казачьей, не упускать. В любой момент они должны знать казачье место...

Мы не будем поносить памяти прошлых вождей Казачества, ибо грешны мы все и в своем раскаянии перед Всевышним и Казачеством найдем в душе своей братские чувства единения. Мы должны оберегать наше красивое прошлое, которое создали наши деды. Мы благоговейно пройдем по музею Лейб-Гвардии казачье-

го полка, посмотрим в лица стриженных в «скобку» командиров 12 года. Мы сыновню, нежно коснемся тех старых мундиров и знаков, в древнем шелесте коих мы может быть, почерпнем красивую сказку седой старины, ибо это наша слава родная, казачья, а не императорская только. В великих творениях предков наших мы воспримем то величие духа былинного казака, которое двинуло его на яркие, захватывающие дух, жертвенные подвиги.

Если в истории маленьких народов какой либо Вильгельм Тель дал основу для дальнейшего исторического горения народов Швейцарии, то как же расценивать жертвенно - благородный казачий народ, давший сотни подобных героев!

Перед приближающимися великими событиями мы, казаки, должны осознать себя, надо постепенно стирать в памяти своей границы между Доном, Кубанью, Терек. Астраханью, Уралом, Хоперцами Ставрополя и поскорее следует соединяться в братских единых узах и стремиться к единому военно - политическому управлению. Программ мы не будем искать по чужим закоулкам, у нас она была и есть — казачья программа, проверенная веками.

Мудрецы древности говорили: миром правят идеи. У нас, казаков, есть своя, не надуманная вдруг, а былинная идея, которую открыто говорите всему миру.

Каждая истина тем ярче, чем через большие прошла она страдания. Из них величайшая — снизошла от Распятого на Кресте.

Казачество также прошло через свою Голгофу и оно вправе любить жертвенной любовью свои жемчужные Края. Никакие моральные страдания на чужбине не страшны, когда в душах ваших, родные, горит вера в Казачество. Символом, воспевающим сердце на борьбу, воодушевляющим на подвиг, на то, чтобы родных колоколов услышать перезвоны, промчаться через степи на взмысленных конях, где «стоит казачка у ворот», сим волом такой веры должен быть для нас Всевышний и синеве небес и — на своих родных, политических, казачьих степях:

Свободное, Об'единенное, Нераздельное Казачество.

На полях у курганов нежно шелестит ковыль, травушка, тихо плещется у песчаных берегов кормилец Дон Иванович, раздольно и полноводно несет свои воды Кубань: струится, иногда бушует, Терек: шумит по камням старый Яик — все говорят удивительную сказку о былом: Родимый Край! — Этот Родимый Край у всех нас, казаков, должен быть один. А выше его — только Бог.

(Продолжение следует).

Генерал И. Коноводов.

Горе и надежды

Глубокоуважаемый станичник Редактор!

Не откажите дать место нескольким строкам на страницах дорогого и уважаемого мною вашего журнала.

Пять с лишним лет я не знал о судьбе своей семьи и своих родных. И вот, 2-го марта с. г. я получил печальное и невыразимо тяжелое известие из родной станицы от одной своей родственницы. Она написала мне ответ вместо моей жены, которой я писал открытое письмо в конце прошлого года. Вот что она пишет... «Открытка ваша попала мне... и я решила вас уведомить в том, что жены и детей ваших нет в живых, умерли в 1933 году, а также отец и мать ваши и брат Иван, а Алексей живет в гор. Озургете... 19-И-37. Ст. Л.».

Узнав, что нет в живых моей жены, двух единственных моих сыновей, отца старика, матери и родного моего брата, я не ошибаясь, могу сказать, что виновниками в их смерти были пришельцы с севера — русские красные мужики. Не могла же смерть придти и унести в могилу в одном году из семи душ сразу шестерых. Они, дорогие мои, скончались, видимо, мученически от руки палача или — же от голодной смерти.

Вот что делают там в нашем родном Казачьем Краю «братья» по вере и языку! Не одни мои родные погибли от рук проклятых русских большевиков. Я знаю уже, что у многих из нас там, дома, нет в живых родных целыми десятками душ и все умерли в 1933 году. За них я

не стану писать потому, что об этом каждый в состоянии хоть вкратце известить всю казачью семью чрез свой печатный орган, журнал «ВК». Извещая о таких кошмарных событиях, мы этим выясняем, кто виновник всех бед и несчастий в наших родных станицах.

Грешно - ли указывать пальцем на хамов или преступников - изуверов? По моему, нет! И я прямо указываю на русских мужиков, полонивших наши казачьи станицы и хутора.

Такой удар по Казачеству со стороны красной Москвы не заметит только тот, кто не имеет зрения, слуха и человеческого сердца.

Будучи еще на своей родной земле, но во время владычества пришельцев с севера, мы сами были очевидцами тех кровавых и страшных расправ, которые они чинили над нашим Народом. В моей родной станице Костромской много казаков поубивали, много казачьих домов сожгли, а имущество разграбили. Знаем, что было и в других станицах. Красные хамы и теперь не прекратили свое дьявольское дело в нашем Краю и до нас доносили отчаянные крики и стоны нашего народа: «Нас взяли кацапы в лапы, да чи выпустят живых?». Не для красного словца сказана была такая фраза, а это был крик мученика. Слова его сбьлись и мы теперь видим, что кацапы много нашего казачьего народа отправили на тот свет.

Не раз уже приходилось слышать своими ушами и

не раз приходилось читать литературу «русских казаков», которые все еще преклоняются перед Россией и называют ее своей матерью. Это - ли не обман самих себя и других? Ведь все отлично знают, что эта «мать» давным давно не считала и не считает казаков своими сынами и не называла она нас казаками. Она считала нас хуже пасынков и называла «казачками». Если бы это было не так, то ни я, ни другой огорченный такими действиями русских людей не говорили бы этого.

Здесь, за границей, покойный ген. А. П. Богаевский писал один раз казакам, что русские не любят казаков. А он ведь был генерал Свиты и то не скрыл того, что чувствовала его казачья душа. Об отношении русского народа к казакам, здесь в эмиграции некоторые из русских же людей, боясь греха, не скрывали того, что знали, как Россия прошлого, не говоря за настоящую, обманывала и обижала нас, казаков. Как - же может не чувствовать или не замечать того сами казаки?

Наболевшее скрывать я не умею. Как всегда громко говорил, так и сейчас говорю, что Россия для казаков не мать и казаки для России не сыны. Если Россия и называла казаков своими сынами, а некоторые казаки считали Россию своей матерью, то это признание их было не искренним. Исторические факты ясно свидетельствуют, что Россия с Казачеством жили во вражде.

Много было похвал казакам от русских за службу России, и правители ей не скупы были давать и награды казакам. Грамоты, нашивки и др. знаки отличия щедро давались казакам. А что Россия безцеремонно отнимала у казаков их право и их добро, так это тоже факт. Казачьих прав казаки лишились. Земельные угодья были захвачены и даны были некоторым «лучшим» из казачьей войсковой старшины. Из Войсковых казачьих капиталов Москва колоссальные суммы урывала на свои нужды. В смысле образования казакам не давала того, что давала русским людям. Россия думала, что если казаки будут темней, они будут ей верней. Если - же дать казаку образование, то он своим проницательным чутьем много заметит несправедливого со стороны правительства по отношению к казакам. Казаков хвалили, «награждали», но казаки чувствовали неискренность России. Допекала она некоторых до боли и они, не взирая на грозные лишения, говорили правду - матку в защиту своих казачьих прав. Это было противно русскому правительству и оно не замедлительно карало таких...

До сих пор некоторые из «русских казаков» как будто не замечают той беды, которая обрушилась на головы наших родных «там», и всячески стараются отклонить мысль об избавлении от московского владычества и о возможности захватить казакам самим в своем Казачьем государстве Казакки. Они даже имеют смелость утверждать, что погибшие от рук русских палачей К. Л. Бардиж и Н. С. Рябовол были чужды самостоятельности. (См. «Терский Казак» за март с. г.).

Много было казаков, противников самостоятельности, но когда они прочли истину на страницах журн. «ВК», они, не задумываясь, стали на путь самостоятельности и делают свое Казачье дело. Чувствуют казаки своим нутром, что не ошибаются они, когда защищают только свои Казачьи интересы. Не ставшие еще с нами на свою казачью дорогу, казаки и те уже откровенно признают, что лучшего пути нет и не может быть, как путь казаков - националистов, по которому ведет их Кубанский казак инженер **И. А. Билый**.

Горе невольно заставляет меня жаловаться и гово-

рить казакам о том, о чем болит у меня сердце. Буду жаловаться и говорить «русским казакам» о делах русских мужиков «там» и если они уличенных мною в виновности смерти моих родных станут оправдывать, то можно будет полагать, что русские мужики не трогали и не трогают как раз их родных дома...

Будучи свободен от работы целых два дня, по случаю католической пасхи 28 и 29 марта, я на второй день этого праздника решил поехать в соседний город, в 5-6 килом. от Перонн, с целью побывать у проживающих там уже давно казаков Терского Войска: Гавриила Ивановича **Ковалева** (станции Зольской, Пятигорского отд.) и Георгия Григорьевича **Елисеева** (ст. Грозненской, Кизлярского отд.), чтобы поделиться с ними своим горем. Мы знакомы уже давно и кое - когда делились своими мыслями по казачьему вопросу. Причем, эти казаки не так давно и слушать не хотели об отделении Казачества от России. С течением же времени мне и моему хуторчанину в Бельгии каз. Терского Войска **С. С. Дурневу** удавалось передавать им прочитанные нами журн. «ВК». Читая раз, читая два, потом стали читать они и регулярно, с конца 1936 г. и по сие время.

29.III-37 я прибыл на квартиру вышеупомянутых казаков. Там был и С. С. Дурнев. Мы, как казаки, ни о чем другом не стали говорить, как о своих родных Краях и за своих близких. Главным был разговор на тему о бедствиях в наших Краях, чинимых русскими большевиками. Остановились на вопросе о судьбе Казачества в будущем. Я чувствовал, что Ковалев и Елисеев хотя и не стали еще в наши ряды, но уже поняли, что иного выхода нет, как только стоять казакам всем за одно казачье и отказаться от опеки Москвы.

Я спросил у Ковалева и у Елисеева, считают - ли они себя все еще русскими казаками? Был ответ: нет. Спросил их и о том, не пойдут - ли они по московской дороге, по которой намерены повести их бывшие горе - вожди из казаков? Так-же ответили, что нет, не пойдём.

В хутор наш записаться они пока согласия не дали. Почему, я не стал допрашивать и докапываться. Они меня удовлетворили тем, что они считают себя только казаками и намерены идти только Казачьей дорогой и бороться за свои Казачьи интересы. Мне, быть может, современем легче будет пережить свое горе в эмигрантской жизни, чувствуя и видя около себя сочувствующих нам казаков.

Ковалев обещал в недалеком будущем выписать себе лично журнал «ВК».

Есть надежда, что Ковалев и Елисеев будут казаками в полном смысле этого слова не только на словах, но и на деле. Пусть - же знают те, кто водил их по московской дороге, что они больше с ними по ней не пойдут.

Нашу беседу - разговор я пишу с согласия **Г. И. Ковалева** и **Г. Г. Елисеева** для того, чтобы их голос слышали все казаки и стали бы размышлять так, как и они, т. е. по-казачьи, а когда придет время борьбы за казачье право, то бороться не совместно с Москвою, а против Москвы.

Слава Богу, что казаки стали держаться свой к своему и хотя бы защищать свои Казачьи Края от московского владычества.

Слава Казачеству!

Павшим за Казачье имя и за Казачью независимость — вечная память.

Искренне преданный вам,

Н. Боровлев.

ТРАГЕДИЯ КАЗАЧЕСТВА

(Очек на тему: Казачество и Россия)

ЧАСТЬ III.

(ИЮНЬ — ДЕКАБРЬ 1919)

ЦЕНА во Франции — 20 франков, в Чехословакии — 30 кр., в Югославии 50 динар, в Болгарии — 100 лева, в Румынии — 100 лей, в Германии — 3 марки, в Польше — 5 злотых. В других странах — 1 америк. доллар.

Каждый вольный казак должен иметь при себе эту книгу

Братья казаки, дружной покупкой III части помогите выпустить следующую — IV часть.

Первая и вторая части «Трагедии Казачества» уже разошлись.

ВАДИМ ИЗМАЙЛОВ.

Фельетоны в стихах

Я не ранен в бою, не контужен:
За борьбу в честь покинутых мест
Не имею Георгьевский крест;
Ни свидетельств сомнительных дюжин
На высокий, внушительный чин;
Ни иного большого отличья, —
Зато нет у меня и причин
Страдать маньей былого величья.
Да и как?... Когда в папин сапог
(Жаль, что он так давно уже помер
И не помню ноги его номер)
В оны дни поместиться я мог, —
В оны дни непрерывной тревоги,
В оны дни небу памятных сеч...
Да простят же могучие боги
Мне, поэтому, дерзкую речь.

Фельетон первый.

Старцы, старцы — ходячие мощи,
Срок ваш близок. Пред пастью могил
Зря не тратьте запас ваших сил —
Он и так уже скудный и тощий
И иссякнуть готовый. Зачем,
Полужители этого света,
Вам тревожить почтенные лета
Непосильною толщей проблем?
Помирится с тем, что природы
Беспощаден суровый закон
И пусть в ваши преклонные годы
Вам заменит политику сон.
Согласитесь, что это полезней, —
Ложе сна есть лет старческих друг,
Иль симптомы начатых болезней
Превратятся в всеобщий недуг.
Но кто знает?.. Вы к славе, быть может,
В дни былые взлелея любовь,
К ней и ныне стремитесь и вновь
Честолюбье вам душу тревожит?
С малым чином со сцены уйти —
Мысли вам отвратительно гадки...
В чем же дело?.. Сегодня так гладки
И к чинам и ко славе пути!
Что ни глянешь (вы скажете: утки! —

Но к тому есть пример не один),
Получил тот и этот вдруг чин,
А иной и два чина за сутки,
Небывалой своей быстротой
Приводя в изумленье мир Божий.
Жаль: чинов сих вершине такой
Не хватает лишь прочных подножий.
Но для вашего возраста, вам
Их не надо, довольно уж если
Вы с чинами душою воскресли,
Сбыться дав столь желанным мечтам,
Позабыв ревматизмы и спазму
На закате изгнанческих дней...

Боже, Боже! — какому сарказму
Безобидных я предал людей!

Фельетон второй.

Есть еще... эксцентричные души:
Тут и старцы, и сошка, и звать,
Вплоть до тех, коих могут за уши
Еще выдрать отец или мать.
Я не член вовсе Армий спасенья, —
Иногда даже сам бы не прочь
Из бутылки в канун воскресенья
Напролет подкрепляться всю ночь.
Но зачем только в винной посуде,
Забываясь, топят эти люди
Самолюбье, достоинство? Пусть
Топят горе, печаль или грусть,
Или, на зло апрельской простуде,
Пьют, микстур не любя, алкоголь...
Но беда: чуть лишь станут интимны
Эти люди, все сводят на ноль...
Боже! — как тут коверкают гимны,
Как спасает отчизну язык? —
И порой — кульминации миг, —
Как собаки, над жалкою костью
Подерутся в защиту идей!...

Боже, Боже! — с какою я злостью
Непорочных ругаю людей!

Казачья эмиграция

БК в Болгарии

ВСЕМ БК СТАНИЦАМ, ХУТОРАМ И ГРУППАМ
В БОЛГАРИИ

Инициативная группа казаков, проживающих в Софии, видя абсолютный произвол в ведении казачьих дел в Болгарском Округе и возмущившись деяниями окружного правления, выделилась из Округа и образовала независимую от него «Разиновскую казачью станицу».

В настоящее время, являясь организацией легальной и принимая во внимание исключительно тяжелые условия жизни казаков, расплывших по разным уголкам Болгарского царства, а одновременно с этим и то ненормальное положение, в котором очутилось наше молодое казачье поколение, возбуждает ходатайство перед Болгарским Министерством о разрешении нашей станице открыть летний лагерь для детей от 4 до 14 летнего возраста обоюбого пола.

На III-м Окружном С'езде нами подымался уже вопрос по этому поводу. Неоднократно возбуждался он нами и после С'езда, но... «сытый голодного не разумеет».

Окружное правление, ослепленное своими иными «успехами» и занятое иной «плодотворной» работой, не обратило на наши заявления должного внимания, считая их, очевидно, несовместимыми с их «великой» работой.

Разиновская казачья станица открытием летнего лагеря желает прежде всего дать возможность всем казачатам провести летние месяцы в здоровой казачьей среде, среди природы, под опытным руководством. Этим своим начинанием станица желает укрепить слаботелых, переутомленных за период учебного года детей, желает развить в них общественные чувства: солидарность, дисциплину, нравственные правила, полезные навыки, жизненную тренировку, сообразительность, необходимые им в будущей жизни; обогатить познаниями и развить

в них любовь к родине. Главная же задача — предотвратить детей от пагубного влияния улицы и освободить родителей на два месяца от лишних забот для совершения своих повседневных работ.

Всем организациям, и отдельным казакам, желающим присоединиться к нашему начинанию, следует теперь же сообщить список таких детей, с указанием возраста, на адрес станичного атамана: **А. В. Лаврухин**, ул. Университетска № 2, София (7).

Подробности будут сообщены позже.

Атаман станицы **А. Лаврухин**.

Писарь **М. Сальников**.

ВК в Югославии

ПО ВК ОКРУГУ

Братья Казаки!

На У Окружном С'езде ваших атаманов и делегатов я вновь избраны на высокий пост окружного атамана. Всем вам приношу благодарность за высокое мне доверие и оказанную честь.

Ваше доверие постараюсь всеми силами оправдать и на втором году моего атаманства.

Считаю своим долгом отметить дисциплину и серьезное отношение к делу, каковые были проявлены делегатами и атаманами С'езда. Последний, благодаря серьезному отношению к долгу своему перед Казачеством, носил характер настоящего казачьего Круга, где затрагивались вопросы не только внутренней жизни нашего Округа, но и вопросы будущего государственного строительства казачьей державы.

В период национально - освободительной борьбы, каковой была последняя борьба казачьего народа с русскими большевиками, армия вне политики немислима. Вершители судеб многомиллионного казачьего народа, пользуясь его политической неподготовленностью, закрывали собственные глаза на творившиеся беззакония и бесчинства у нас «белых» русских эмигрантов и заглушали всеми способами правдивый ропот казачьего населения, — вплоть до передачи видных казачьих патриотов в руки Врангеля, Деникина и пр. От политики всячески нас тогда отвлекали, рисуя ее чем то губительным для Казачества.

Теперь Казачество в подавляющем большинстве политически созрело и обмануть его в грядущих испытаниях не удастся — ни там, ни здесь.

Казачество собирается в серьезную политическую армию.

Наши противники сами признают, что единственные во всей эмиграции, кто имеет такую программу — это казаки самостоятели, собранные около знамени ВК.

Не будем забывать этого и мы и все силы приложим к тому, чтобы все казачьи силы в Югославии сплотились около этой программы, — воистину казачьей.

И в этом году покажем себя упорными и настойчивыми в деле собираня казачьих сил и просвещения их в казачьем национальном духе.

С молитвою за счастье его, с верою в собственные силы, с неподкупной любовью к своему — все выйдем на ВК ниву, все в школу политики!

Да здравствует Казакия! Слава нашему Походному Атаману! Слава всему ВК!

Окружной атаман инженер **Н. Букин**.

У ОКРУЖНОЙ С'ЕЗД В ЮГОСЛАВИИ

Вольные казаки в Югославии, в настоящем, 1937 г., с'ехали для разрешения своих внутренних дел и выборов окружного атамана и правления на свой У окружной С'езд.

Окружное правление, принимая во внимание удаленность большинства ВК организаций от Белграда, ежегодно несших большие путевые расходы, для более равномерного распределения таковых, в настоящем году избрало местом С'езда город Чуприю.

Открытие У Окружного С'езда было назначено на 8 часов утра 4-го апреля с. г. К назначенному часу все г. г. атаманы и делегаты были в сборе в просторном помещении отеля «Славия», красиво декорированном в казачье - национальном духе.

Присутствовали г. г. атаманы и делегаты: атаман Смедеровской ВК станицы **И. Сурмач**, делегаты: **М. М. Пальцев, И. П. Селезнев, М. Злобин, В. Клименко, И. Верба**; атаман Крагуевацкой ВК станицы **И. Картамышев**, делегаты: **И. Кучуков, Д. Хайло**; Кральевской ВК станицы атаман **Е. Кривец**, делегат **П. Нестеренко**; Чуприйско-Парачинской ВК станицы — атаман **Н. Варавка**, делегаты: **А. Савин, И. Павлов**; Борской ВК станицы: **С. Бовдурец** и **М. Мяч**; Белградской ВК станицы атаман **Н. Дмитренко**, делегаты: **П. Тимошек, А. Чаус**; Нишской ВК станицы атаман **В. Кондращенко**, делегаты: **М. Тихановсков, И. Романов, П. Чернега, Т. Волохов**; Кочанской ВК станицы атаман **С. Дацун**; Грделицкого ВК хутора атаман **Е. Кичнар**; Петровградской ВК станицы **Н. Каменсков**, Панчевского ВК хутора атаман **А. Зотов**, делегат **М. Махио**; Валаконьского ВК хутора атаман **С. Левченко**; Ужицкого ВК хутора делегат **А. Д. Морозов**.

Секретарями С'езда окружным атаманом были назначены станичники: **Н. Дмитренко, А. Черный** и **Д. Хайло**.

В 8 часов утра окружной атаман, открывая заседание У окружного С'езда, предложил г. г. делегатам принести благодарность за гостеприимство в течении 17 лет Королю Югославии Петру II-му, Наместнику Князю Павлу и всему югославянскому народу.

Слова атамана были покрыты громкими — «Живео» и «Слава!».

Затем, обернувшись к ВК знаменам, делегаты пропели казачьи гимны и окружную песню (слова певца казачьей воли **Б. А. Кундрюцкова**):

Поклялись мы в жизни нашей
За Казачество идти:
Дай нам, Боже, до могилы
Казакки стяг нести.

Нас зовет на смерть за Волю
Из степей родимых звон —
За Кубань и Буйный Терек,
За родимый Тихий Дон.

Мы насилья власти чуждой
Не потерпим никогда, —
Будь то царская корона
Или красная звезда.

По исполнении гимнов, окружной атаман инж. **Н. Ф. Букин** читает приветствие У окружному С'езду от Походного Атамана ВК, которое было встречено несмолкаемым — «Слава ВК! Слава Походному Атаману!».

Затем были прочитаны приветствия от ВК округов во Франции, Румынии, Польше и ВК станиц и хуторов как в Югославии, так и др. стран. На каждое приветствие делегаты отвечали: Слава всему Вольному Казачеству!

К У Окружному С'езду было получено благословение о. Д. Чирского. Получили мы и кусочек родной земли, присланной в конверте из станицы У.

С любовью, с чувством радости и тоски по своим Краям, смотрели вольные казаки на кусочек дорогой, родной, обильно политой казачьей кровью земли...

Затем, согласно повестке дня, первым делается доклад по хозяйственной части. Доклад окружного контролера **К. А. Карнаухова** заслужил особого внимания г. г. делегатов, как в обрисовке деталей хозяйственной жизни округа, так и в вопросах характера финансового и законодательного.

Г. г. делегаты, выслушав с интересом доклад по хозяйственной части, одобрительно отнеслись и ко всем проскам окружного контролера на следующий год. Значительная часть доклада по всем вопросам, включая и отчет о контроле расходов правления, была встречена аплодисментами.

С'езд единогласно одобрил все расходы окружного правления.

Вторым по повестке дня делает доклад окружной атаман по культурно - просветительному и политическо-организационному отделу. Перед С'ездом была нарисована полная картина жизни Округа за истекший год. Несмотря на некоторые затруднения во внутренней жизни, было отмечено, что ВК округ в Югославии еще больше окреп и увеличился численно на 94 человека. Особенно заслуживает внимания работа ВК по воспитанию детей в национальном казачьем духе и проявлении инициативы в пропаганде идеи ВК, что достигнуто, благодаря введению в организации отделов пропаганды, изданием журнала «За казачье Имя» и бюллетеня по Округу.

НА ФОТОГРАФІИ

**Группа делегатов на У окружном с'єзде Вольного Козачества в Югославіи.
Гор. Чупрія, 4 апреля 1937 г.**

Окружной атаман инж. **Н. Ф. Букин**, вызвавший сво им докладом у г. г. атаманов и делегатов большой интерес, был награжден долго несмолкаемыми аплодисментами.

В 1 час. 40 мин. окружной атаман и правление, закончив отчет, сложили свои полномочия.

Согласно уставу округа, председателем С'єзда избран сотник **А. Д. Морозов** и его помощником атаман Смедеровской ВК станицы **И. П. Сурмач**, при секретаре **Н. М. Дмитренко**. Новый президиум приступил к выбору нового окружного атамана и правления.

Кандидатами в окружные атаманы были названы: инж. **Н. Ф. Букин**, **Н. М. Дмитренко** и хор. **К. А. Карнаухов**. Подавляющим большинством голосов на пост окружного атамана избран инж. **Н. Ф. Букин** (из 30 голосов — получил 28).

Вновь избранного атамана У окружной С'єзд встретил, стоя, бурными аплодисментами и криками «Слава Атаману».

Помощником окружного атамана избран. инж. **Н. А. Евсеев**.

Заведующим отделом законопроектов, предлагаемых из рядовой казачьей массы в интересах будущего государства, избран сотник **А. Д. Морозов**.

Окружным писарем избран станичник **Н. М. Дмитренко**.

Окружным казначеем на второй год избран **А. П. Черный**. Окружным контролером **К. А. Карнаухов**.

Членами окружного правления — **Роман Евсюков, Николай Каменсков, Иван Кошкодаев, Ефим Кичнарь и Иван Сурмач**.

После перевыборов разбирался ряд вопросов, поставленных в письменной форме отсутствующими организациями, которые и были предложены С'єзду для разрушения окружному правлению.

С'єзд закрыт в 15 часов.

Г. г. делегаты были приглашены на скромный обед, за которым в оживленной беседе и провели время до раз'езда по домам.

Заслуживает быть отмеченным особое гостеприимство членов Чуприйско - Парачинской ВК станицы, давших приют и отдых делегатам, ожидавшим отхода поезда.

(Соб. кор.).

В КОЧАНЕ

Культурно - национальная работа казаков

В начале марта месяца казаки Кочанской ВК имени **Н. С. Рябовола** станицы дали в окрестных городах, а затем и в самом Кочане несколько национально - казачьих концертов. Программа концертов состояла из одиннадцати казачьих песен: «Гей по горі»; «З-за гори, з-за лиману»; «Копав, копав криниченьку»; «Де ти бродиш, моя доля»; «Атаманский марш» и др. и пьесы — «Ніч під Різдво», безукоризненно переведенной одним из казаков на сербский язык.

Несмотря на то, что у действующих лиц в пьесе слышался акцент и встречались неточности в выражениях, пьеса вызвала у сербов бурю аплодисментов. Что же касается родных песен, в исполнении которых казаки вложили всю душу, они, как и всегда, приводили посетителей в восторг. Новостью для этих краев явились дуэт и два трио, повторенные на «бис» станичниками — **И. Масловым, И. Мерзликиным, Е. Василенко и П. Ветрениковым**, вложившими много труда и любви в изучение этих песен.

Отличное впечатление производила на публику также дисциплинированность и однообразие формы одежды хористов. Все участники, даже и самые бедные, на свой счет приобрели белые гимнастерки, черные брюки и сапоги. Где материальное состояние не позволяло приобрести нужное, занимали у других. Для регента хора **В. Гайдука**, трудами которого были в сравнительно короткий срок разучены песни и подобран соответствующий местным вкусам репертуар, нашли красные брюки, которые его выделяли среди хористов.

Все концерты открывались речью ст. **С. Бобрышева**, в которой он знакомил иностранцев с казачьей историей и ВК движением. С большим вниманием слушались эти речи иностранцами, в то время, как присутствовавшие русские, ожидавшие казаков «как своих», с первых же слов приходили в бешенство. Кривились, скрежетали зубами, показывали говорившему кулаки, покачивали злобно головами, но открыто проявить свою злобу не решались.

Несмотря на то, что речи ст. **Бобрышева** вызывали большой интерес у иностранцев к казакам, дотоле называвшимся общим собирательным именем для всей российской эмиграции «русы», ему, после первого же концерта, под давлением малодушных, но незаметных в хоре казаков, пришлось некоторые места речи для следующих концертов смягчить или совсем выбросить. Это произошло потому, что в первом же городе русские перед местными властями приютившего их государства отождествили ВК движение с программой полу - легальной гонимой местной политической партией и в то же время пригрозили казакам репрессиями.

Никакие доводы станичника **Бобрышева**, что бояться нечего, что, замахнувшись, надо рубить, успеха не имели. Пришлось уступить, следствием чего явилось некоторое изменение его последующих речей.

Тем не менее, после концертного турне иностранцы

перестали казаков называть «русами». Для них появились новые эмигранты «козаци».

Все концерты прошли с огромным успехом. Сн подняли дух у казаков и вселили веру им в их собственные силы, а самое главное — эти концерты заставили иностранцев проявить больший интерес к казакам.

Во всем этом жертвенном, достойном признании и похвалы, деле казаков — кочанцев, некрасивым и заслуживающим порицания является поступок казака Г. Лукинова. пытавшегося сорвать концерты тем, что он своим отказом везти на автомобиле казенную почту, пытался заменить себя одним из казаков, участвовавшим в пьесе и концерте. Этот его поступок произвел удручающее впечатление на казаков.

Лишь его внезапный отъезд с почтой спас его от казачьего гнева. Свою белую гимнастерку и сапоги, данные одному из казаков — участником хора он все же успел отобрать и увезти с собой. Как потом выяснилось, причиной его обструкции явилось его неучастие в хоре, для которого он, после нескольких с ним проб, оказался совершенно непригодным. Утехой все же во всем этом его некрасивом поступке является то, что он, спустя две недели по окончании всех концертов, осознал свою ошибку, покаялся в содеянном и обещал в будущем быть более дисциплинированным.

При воспоминании об успешно проведенных концертах у каждого казака — участника невольно является чувство собственного удовлетворения тем, что 14 человек казаков сумели показать себя отличными работниками и на национально — культурном поле.

(Соб. кор.).

ВК в Польше

ПО ВК ОКРУГУ

1. Переизбранный 28 марта с. г. состав старого станичного правления ВК имени Чернецова станицы в Луцке на следующий год: сотник **Рябцев С. Д.**, атаман, хорунжий **Кротов Е. А.** — помощник атамана. **Т. В. Диктарова** — казначей и хорунжий **Диктаров** — писарь, согласно статута, утверждаю.

2. Согласно просьбы, зачисляю в списки округа атамана Полесского сводно - казачьего имени полк. М.Ф. Фролова хутора подпор. Николая Федоровича **Кузнецова** (ВВД) и поручаю ему организацию ВК станиц, хуторов и куреней в Полесье.

3. В виду того, что Окружное Правление имеет письменные и устные пожелания организаций и отдельных казаков — членов Округа, чтобы второй Окружной С'езд был созван в местности наибольшего сосредоточения ВК организаций и вольных казаков, а также, чтобы с созывом С'езда окружное правление не особенно спешило, но и не особенно отдаляло время его созыва, — необходимо станичным, хуторским и куреным правлениям или сборам обудить этот вопрос на ближайших же заседаниях и о своих пожеланиях сообщить окружному правлению. Если не будет статутарно - правовых препятствий в отношении места созыва С'езда, то окружное правление этот вопрос решит так, как выскажется большинство организаций Округа. С своей стороны, Окружное Правление указывает на подходящие даты для С'езда: 22 - 23 мая, 30-31 мая и 20-21 июня (день Св. Троицы).

4. В связи с появившимся в оппозиционном журнале «Казакия» ном. 19-20, на стр. 27, обращением «Ко всем национально - мыслящим казакам в Польше» и «по становлениями», напечатанными там же на стр. 28, я имею письменные и устные вопросы и мнения по этому поводу многих вольных казаков. В части этих писем - вопросов казаки высказываются вполне ясно и хорошо отдают себе отчет о «хитромудром» «обращении» спешных «постановлений». В других письмах настойчиво советуют мне дать надлежащий ответ на изощренную фантазию псевдо - «Врем. Окружного Правления», состоящего из несменяемых, неизвестно кем и когда выбранных двух лиц: «окружного атамана» и «помощ. окр. атамана». В третьих письмах просто просят раз'яснить им, что это такое за «Врем. Скр. Правление», как сами себя называют с 22 апреля 1935 года исполнители обязанностей «окр. атамана» и «помощн. окр. атамана», вы-

ступающие с особыми «приемами» в отношении легального ВК Правления в Польше и Луцкой ВК станицы, «обвиняя» нас в сепаратном выступлении, вредительстве и «оппозиционности».

Считаю своей обязанностью раз'яснить кое что казакам, а особенно тем, которые не имели возможности проследить развитие легального ВК Округа в Польше.

Наша легальная организация начала свое официальное существование 4-го декабря 1935 г. (день утверждения статута властями). После этого началась работа оформления заранее подготовленных ВК организаций на местах, т. е. станиц и хуторов. В процессе этой работы возник вопрос (этого требовали законы и распоряжения властей) об образовании Вр. Окр. Правления.

Это временное Окр. Правление существовало от конца февраля до 26 апреля 1936 г. 26 же апреля был созван первый С'езд, который и выбрал, согласно статута, Окружное правление, признанное властями польского государства.

После того, как уже достаточно писалось в прессе казачьей и польской о том, что в Польше будет легальная ВК организация, в частных ко мне письмах объявилось нелегальное, неизвестное до того мне «Вр. Окр. Правление» (10-1-1936 г.), т. е. после того, как уже был утвержден наш статут. До 10-го января 1936 г. мне, окружному правлению и многим вольным казакам, а быть может, и всем казакам Округа о так называемом «Вр. Окр. Правлении» ничего не было известно. Но если бы было и известно о существовании с 22 апреля 1935 г. до сегодняшнего дня нелегального «Вр. Окр. Правления», то это еще не значило бы, что наша легальная организация является и «сепаратистической», и «вредительской», и «оппозиционной», т. к. с самого начала работы ВК, т. е. еще с декабря 1934 г. — громко раздалась казачьи голоса в Луцке, Варшаве, Кошарах, Владимире-Вольнском и других местах, как групп, так и отдельных казаков, что если существовать ВК в Польше, то только статутарно - легально.

На основании коротко изложенных выше фактических данных, каждый читатель легко поймет, насколько верны упреки нам и обвинения нас лицами, являющимися противниками ВК движения и мечтающими только о власти, стремящимися к ней для того, чтобы всемерно бороться с ВК.

Эти действительные вредители казачьего дела здесь делают их же обличающие ошибки и промахи. Так, напр., «Вр. Правление» в своем обращении пишет: «Тяжелое материальное и бесправное положение казачьей организации заставляет с большим напряжением бороться за собственное существование... И в тоже время легальному ВК Округу эти господа предлагают войти в нелегальный, чтобы тем самым еще больше ухудшить положение казаков, т. к. всякая нелегальщина, во всех государствах, не поощряется, а преследуется.

Что вся «работа» настоящих оппозиционеров шита белыми нитками, свидетельствует и то, что «Вр. Окр. Правление» существует, якобы, с 1935 года, а «организации» начало спешно «утверждать» только с 1937 года. («Казакия», ном. 1-2 (19-20), стр. 28-29).

По смыслу содержания «обращения» «Вр. Окр. Правления» легальному ВК Округу в Польше необходимо самоликвидироваться и уйти в нелегальщину, отдаться в распоряжение противников ВК — нелегального «Вр. Окр. Правления». Мы же считаем, что Вольному Казачеству не только не нужно уходить в подполье, а, наоборот, нужно громче и сильнее говорить о себе, о Казачестве, чтобы весь мир знал, что казаки стремятся к самостоятельной жизни. Наше имя казак — родное и дорогое — и нечего нам прятаться с ним. Его нужно разумно, стойко и во всеуслышание защищать везде и всюду.

Поэтому, во имя интересов казачьего национального дела, во имя чести и славы всего Казачества, нам нужно не украдкой, а явно выходить на арену международных событий, твердо и уверенно шагать к своей цели — Казакии. Особенно тем это нужно сделать, кто еще прячется. Не нам к ним, а им к нам следует придти. Всем настоящим казачьим националистам следует выйти на открытую дорогу борьбы за счастье Казачества. Но предупреждаем: игрокам и вредителям делать у нас нечего.

От имени своего и всего Окружного Правления, призываю все легальные ВК организации твердо стоять на своих позициях, а еще не легализованные органи-

зации легализироваться и поддержать уже нами возобновленные здесь старые казачьи традиции на первом Окружном С'езде. Для тех, кто идет в ряды ВК с открытой душой и честными намерениями, наши двери открыты всегда.

Слава Казачеству!

Окружной атаман: инж. Ф. Штовхань.

В ПИНСКЕ.

«Журнал «Часовой» — единственно справедливый печатный орган русско-казачьей политической мысли и другие бредни невежды.

...«Слепые больше не поведут за собой зрячих»...

25 марта с. г. по инициативе казаков Полесского сводно - казачьего имени полк. М. Фролова хутора состоялся сбор для решения вопроса о вступлении хутора в ряды ВК, а так же для заслушания моего доклада на тему: «О происхождении ВК движения и о значении его для Казачества».

Доклад заинтересовал казаков всех политических течений. В особенности было много «русских казаков», а потому, после моего доклада состоялись прения.

Я хотел бы осветить речь одного такого «русского казака» — моего политического противника, сказанную им после моего доклада.

Вот краткое содержание этой речи: «Братья казаки всех казачьих Войск! Вы меня, войскового старшину ВВД Федора Пономарева, давно уже знаете, а потому должны верить тому, что я вам скажу. А скажу я вам то, что всякая самостоятельная организация, в том числе и ВК, есть вредная как для Казачества, так и для России, потому что стремится к расчленению России. Путем долгих размышлений я пришел к выводу, что журнал «ВК» издается на немецкие деньги, а потому и продается дешевле русских журналов. Станичники! Не слушайте никого, а слушайте свою войсковую старшину. Она вас привела в эмиграцию, она вас и выведет из эмиграции в свои станицы и хутора. Помните, что каждый журнал, каждая книга ВК является орудием в руках немцев для расчленения России. Казаки! Нужно бороться с ВК движением. Нужно каждому из вас противопоставить себя ВК движению. Нужно не читать ерунды, а читать журнал «Часовой», который является единственно справедливый печатным органом русско - казачьей политической мысли!».

Тоска берет, слушая такую речь из уст казака, да еще войскового старшины. «Беда, коль пироги начнет печи сапожник», а человек, скажем, неосведомленный, в политических вопросах — невежда, заговорит о казачьей политике.

Среди нас, казаков, есть разные люди — скромные и нахально - самоуверенные. В своих суждениях осторожные и разрешающие все вопросы моментально. К последним принадлежит и войсковой старшина Пономарев.

Может быть, кто и послушается советов войскового старшины Ф. Пономарева, но я насчет журнала «ВК» и организации ВК останусь «при особом мнении». Войсковому старш. Ф. Пономареву я искренно желаю политически прозреть, а не быть слепым и твердо запомнить, что «слепые больше не поведут за собою зрячих».

Я знаю, что за оглашение в печати этой речи на меня ополчатся как он сам, так и «русские казаки» — «пономарята». Но я не боюсь, ибо знаю, что я прав. И еще знаю, что я не одинок, ибо делаю это опубликование от лица многих казаков - хуторцов, думающих так же, как и я, и разделяющих со мной мои политические убеждения и то возмущение, которое вызвано было речью этого не казака, русского неделимца.

Несмотря на прения, вызванные той речью, собрание закончилось общей трапезой, во время которой донец С. Соламатиин сказал краткое слово, сводившееся к следующему:

«Станичники! Час освобождения Казачества близится. С приближением этого часа разгорается борьба политическая между казаками в эмиграции. Нам нужно скорее влиться в лаву ВК. Противники ВК идут в атаку. Мы выдержали атаку и переходим в контр - атаку. Я уверен в том, что наша беседа не ограничится сегодняш-

ним собранием и мы в ближайшем будущем устроим большое собрание, на котором окончательно выясним вопрос относительно вступления нашего хутора в ряды ВК.

Слава Походному Атаману ВК! Слава окружным атаманам! Слава всем явным и тайным вольным казакам!».

Дружное «Слава!» было ему ответом.

Атаман Полесского сводно - казачьего имени полк. М. Ф. Фролова хутора, Подхорунжий ВВД Н. Ф. Кузнецов.

ВК во Франции

ПО ВК ОКРУГУ

1. Христос Воскресе, братья Вольные Казаки!
2. Зачисляю в списки Округа казака П. Андрущенко и Ф. Хохолева — с 21-го марта с. г.
3. Довожу до сведения всех ВК организаций, что III окружной ВК с'езд во Франции имеет быть осенью текущего года. В соответствии с этим, предлагаю всем ВК организациям уже заранее озаботиться изысканием надлежащих денежных средств для отправки делегатов.
4. Отмечаю, что имеется целый ряд ВК организаций, которые абсолютным образом не выполняли постановления II-го окружного ВК с'езда — в отношении полной и регулярной выплаты материальных обязательств, принятых делегатами от имени представляемых ими ВК организаций.

Сообразуясь с приведенным, последний раз предлагаю всем без исключения ВК организациям выполнить свои материальные обязательства в отношении Окружного правления ВК, дабы не делать суждение означенного вопроса — достойным повестки III-го Окружного ВК с'езда!

5. Утверждаю хор. Н. Болдырева в должности назначая ВК станицы имени ген. Старикова в г. Ромба, согласно постановления станичного сбора от 21-го марта с. г.

6. ВК команда джигитов имени К. Л. Бардижа начала вновь свое турне в поисках заработка. Желаю всяческого успеха!

7. В одном из распоряжений по ВК Округу, хор. Лзисюк — писарь ВК станицы имени ген. Мамонтова в г. Каркассоне, был ошибочно наименован Уральским казакком, тогда как он в действительности является украинцем по своему происхождению. (Прим.: Настоящее исправление делается согласно просьбы хор. Лзисюка).

Слава Казачеству!

Окружной атаман ВК А. Ленивов.

В ТУРКУАНЕ

Дсклад станичного атамана

14 февраля 1937 г. ВК имени Атамана К. Булавина станица устроила общее собрание под председательством станичного атамана А. Г. Дрокова. Присутствовало две трети всего состава станицы.

Слушали: 1. Доклад станичного атамана о трагической смерти первого выборного Донского Атамана ген. А. М. Каледина. Доклад произвел на присутствующих впечатление. В заключение доклада станичный атаман предложил собранию почтить память трагически умершего Атамана вставанием и минутным молчанием.

— Братья казаки! — обратился станичный атаман к собранию. — Сегодняшний день нашего собрания как раз совпадает с днем великой казачьей скорби. Двадцать лет тому назад в столице Войска Донского в этот день раздался роковой выстрел, который гулким эхом разнесся по лицу Донской земли. Жертвою этого выстрела пал первый Атаман В. В. Донского ген. А. М. Каледин. В годину безвременья, когда на рубежах казачьей земли Россия пылала в зареве кровавого пожара, перекинувшегося и на казачью землю, тяжелым предчувствием отозвался этот выстрел в душе каждого казака. Стонала и плакала в этот день Донская казачья земля... Причин, побудивших к такой трагической гибели А. М. Каледина, слишком много, и вряд ли критикам и историкам удастся выяснить главную из них, — т. к. люди, уходящие добровольно от жизни, всегда и во все време-

на уносили с собой глубокую тайну трагедии своей души, разгадка которой доступна — не критикам, философам и историкам, а только одному Богу.

По мысли современных казачьих историков одно из главных причин, приведших А. М. Каледина к роковому выстрелу, было то, что, объявив большевиков вне закона и начав с ними беспощадную борьбу, он не смог вовлечь в эту борьбу фронтовое Казачество за отсутствием необходимой идеи этой борьбы, которой казаки не имели, а А. М. не нашел ее сам. Фронтовое казачество, не понимая смысла этой борьбы с большевиками, еще ничем им не угрожавшими, в количестве 60 конных полков, одной пешей бригады, свыше 60 отдельных конных сотен и 20 батарей от борьбы отказалось. (Трагедия Донских Вождей И. Ф. Б.).

Более вероятно, что в расхождении и во взаимном непонимании между фронтовым казачеством и Донским Атаманом, было то, что первые видели в Каледине больше царского русского генерала, чем чувствовали Донского Вождя - Атамана. Оставшись одиноким, всеми покинутый, разочаровавшись и изверившись во всем и всех, он ушел от жизни честно и на своем посту отдал в жертву свою жизнь Казачеству. Своим предупреждающим выстрелом (берегись Казачество!) А. М. Каледин не только пробудил Казачество к самозащите, но одновременно разорвал последние звенья, связывавшие Казачество с Россией, и дал ему полную свободу и выбор нового пути к жизни.

Будем снисходительны к ошибкам павших в то время вождей и на их ошибках будем учиться, чтобы больше самим их не повторять, а в наших мыслях и сердцах пусть будет светлая память о рыцарях чести и долга, павших за Казачество, незабвенной. Поэтому, прошу почтить их память вставанием и минутным молчанием.

Постановили: выразить благодарность станичному атаману сотнику А. Г. Дронову за его прекрасный и обстоятельный доклад.

Все собрание, стоя, благодарит атамана.

Слушали: 2. Доклад председателя ревизионной комиссии В. Т. Богданова о движении общественных сумм и ведении прихода - расходных книг станицы.

Постановили: Выразить благодарность ревизионной комиссии и станичному казначею М. В. Красноплахтову за правильное ведение денежных книг.

После доклада ревизионной комиссии, станичный атаман благодарит всех собравшихся казаков и членов станичного правления за проявленную ими волю и готовность в работе по делу борьбы за освобождение казачьей родины. В заключение станичный атаман лично от себя и всего правления слагает полномочия старого правления, в виду истечения законного срока, и предлагает станичному сбору избрать новое правление на 1937 год.

Приговор № 14.

14 февраля 1937 г. Станичный сбор Туркуанской вк имени К. Булавина станицы производил перевыборы станичного атамана и всего правления.

1. По сложении полномочий старым правлением, станичный сбор приступил к избранию председателя сбора. Избран был старейший казак станицы сотник И. В. Федотов, а секретарем В. Т. Богданов.

2. Слушали: предложения, поданные с мест некоторыми станичниками, об увеличении числа членов станичного правления. Поводом для такого рода предложений было то, что создавшаяся в данный момент политическая обстановка во всем мире требует от всего Казачества, чтобы оно в нужный момент все, как один, сплотилось во едино и утратило свои силы и энергию в работе по проведению в жизнь программы ВК движения, программы, которая действительно отвечает интересам всего Казачества, говорит только о Казачестве, защищает только то, что касается Казачества, зовет казаков на борьбу только за Казачество. Поэтому, чтобы тяжесть такой работы не всегда ложилась на одних и тех же лиц, необходимо увеличить число членов станичной администрации.

Постановили: заслушав заявления об увеличении числа членов станичного правления и, принимая во внимание, что такие заявления вполне логичны, в особенности имея в виду, что казаки в силу их работы или службы по разным отдаленным местам, живут крайне разрозненными и разбросанными, что очень трудно при таких об-

стоятельствах одному или двум лицам иметь соприкосновением с казачьей массой, чтобы поддерживать в ней искру национального чувства или привлекать к этому и других, еще не ставших на путь казачьего возрождения, сбор единогласно принял и постановил увеличить число членов станичного правления.

3. Председатель собрания сотн. И. В. Федотов и секретарь В. Т. Богданов в хронологическом порядке изложили перед собранием деятельность станичного атамана и правления за истекший год, его работу на благо национального возрождения Казачества, которую он выполнял со свойственной ему энергией и пылом казака - патриота.

Заканчивая обзор деятельности станичного атамана сотн. А. Г. Дронова, председатель собрания просит разрешения у сбора поблагодарить его от имени станичного сбора за его плодотворную работу и просить его остаться на своем посту и на сей, 1937 год.

Сбор единогласно с этим соглашается.

После этого сотн. Федотов от имени станичного сбора благодарит атамана за его работу и глубокий патриотизм, а затем весь сбор стоя, во главе с сотником Федотовым и секретарем Богдановым просит сотника А. Г. Дронова остаться их атаманом на следующий год.

4. Станичный атаман выслушал благодарность сбора и его просьбу быть их атаманом, и выражая благодарность сбору за его внимание и признательность по отношению к нему, сказал: «Братья станичники! от души тронут вашим вниманием и лестной оценкой моей работы, а также благодарю за вашу просьбу остаться вашим атаманом. Согласен остаться вашим атаманом и не потому, что это звание льстит моему самолюбию, что я хочу быть атаманом, нет. Казак националист не может дезертировать с своего поста в тот момент, когда его присутствие на этом посту находят другие полезные или необходимыми. Во вторых, даю вам мое согласие под условием, что и вы дадите мне ваше согласие и обещание, что вы по мере ваших сил будете помогать мне, вашему атаману, в той работе, которая требуется нашим ВК движением не только от меня, как от атамана, или от атаманов вообще, но и от каждого вольного казака, где бы он не находился, какое положение бы он не занимал. Все должны работать вместе, каждый по мере своих сил, ибо у всех вольных казаков только одна родина и вольные казаки все ее сыны. Если это обещание вы мне даете, тогда я останусь еще вашим атаманом. Слово теперь за вами».

Сбор, выслушав атамана, торжественно дал свое слово помогать атаману в его работе на пользу ВК.

5. После данного обещания и согласия сотника Дронова остаться еще станичным атаманом, председатель сбора сотн. И. В. Федотов уступает свое место избранному атаману, который, занимая свое место, попросил сбор приступить к выборам членов станичного правления.

6. Станичный сбор приступил к выборам членов станичного правления и закрытой баллотировкой избранными оказались: помощниками атамана: подхорунжий ВВД И. К. Кривонос и подхорунжий ВВД С. М. Антипов (перезбраны), казначеем перезбран казак ККВ М. В. Красноплахтов, писарем избран ККВ И. Лаштабага. Доверенными — казак ВВД И. С. Смагин и казак ККВ А. С. Кошевой. В ревизионную комиссию: председатель ККВ В. Т. Богданов (перезбран), членами: казак ВВД А. Г. Лесников и вахм. ВВД В. М. Шевырев.

7. После окончания перевыборов станичный атаман сотник А. Г. Дронов, сотн. И. В. Федотов и А. Г. Лесников попеременно выступали с короткими речами, призывая всех казаков к более дружной работе, тесной сплоченности и единению, призывали твердо идти по казачьему шляху к намеченной ВК цели — к освобождению родной Казакии.

После этого атаман станицы объявил сбор закрытым.

Сообщили: В. Богданов.
А. Лесников.

В ТРУА

Приговор

Хуторского сбора хутора «Черный Всадник»
4-го апреля 1937 г.

Мы, нижеподписавшиеся члены ВК хутора «Черный

Всадник» в г. Труа, сего числа под председательством хуторского атамана хор. **Орлова** собрались на квартире станичного казначая **Г. К. Алейникова** и постановили:

1. Принести клятву перед иконой Покрова Пресвяты Богородицы служить верно и непоколебимо своему казачьему государству Казакии и ее главе Атаману вплоть до смерти.

2. При открытии официальных сборов петь Казацки гимны.

4. Членский взнос определить в размере 3-х франков в месяц, из коих один фр. отсылать на имя Походного Атамана, один фр. на имя окружного атамана, а один франк на канцелярские расходы хутора. Деньги Походному Атаману и окружному атаману отсылать один раз в три месяца, считая с 1-го февраля.

4. Выписать для хутора два экземпляра журнала «ВК» и его стоимость вносить хуторскому казначею, последний в свою очередь обязан отсылать по назначению.

5. По получении из Парижа легализационного документа на право легального существования хутора «Черный Всадник», приобрести хуторскую печать и бланк, через посредство секретаря редакции журнала «ВК».

6. Для совместной встречи светлого праздника Св. Пасхи приготовить скромный обед на квартире казначая **Г. К. Алейникова**. К этому же дню приурочить приезд старшего ВК группы в Сансе станичника **Киреева**.

Атаман хутора «Черный Всадник», хор. **Орлов**.

Помощник его, **Н. Безбородов**.
Казначей **Г. Алейников**.

В БЕЛЬФОРЕ

21 марта с. г. Бельфорская ВК имени Н. С. Рябовола станица устроила общий сбор. Станичный атаман **И. А. Тищенко** прочитал исторические справки окружного атамана **А. К. Ленинова**: «Происхождение Донского Казачества и основные факторы и элементы Донского Казачества», а также прочитал выдержки из обращения к казакам покойного Войскового Атамана ген. Богаевского, в котором он призывал казаков держаться только казачьих организаций, не вступать в русский обще - воинский союз, а также и о том, что казаков все ненавидят и не признают. В конце же концов, он сам все это попраст и побел казаков по московской дороге и тем самым раз'единил Казачество. (А разве там, дома, ген. А. П. Богаевский не водил казаков именно по московской дороге? Ред.)

Материал, данный окружным атаманом, очень интересный. Казаки прослушали его с большим вниманием. В нем ярко нарисована картина того, как русское правительство заказывало своим историкам писать историю Казачества на русский лад.

Казаками, оказывается, интересовались и западно - европейские историки и имеются их труды о Казачестве, которые вольные казаки отыскали и предали гласности.

Русские историки все же не скрыли всего от Казачества и часто признают, что Казачество произошло не только от беглых русских людей, но скорее принимало последних к себе. В общем же, казачью историю в том виде, как она есть, нам дал журнал «ВК», а потому Казачество и об'единилось вокруг него. Благодаря «ВК», мы познали себя, а познавшие себя казаки не сходят со своего пути, а наоборот, направляют на него и других казаков.

За предоставленный станице материал, станичный сбор единогласно вынес постановление благодарить **А. К. Ленинова**.

После этого станичник **П. Ф. Лавров** сделал доклад о зарождении ВК. Он на карте отметил места рассеяния вольных казаков, указав, сколько организаций и в каких государствах существует в настоящее время.

Говоря о Польском Округе, он указал на то, что, хотя Округ и не так велик, но он имеет свыше 150 человек будущей смены. При этом зала разразилась аплодисментами.

Старый в. казак, уважаемый **В. Ф. Милованов**, рассказал сбору, как в его станице в 1918 г. большевистский делегат на московском с'езде делал на митинге доклад о том с'езде и призывал инородных к уничтожению Казачества, хотя сам он родился и вырос среди казаков. (Только благодаря одному благородному инородному Бобзею толпа не начала расправляться с казаками тут же).

В. Ф. Милованов призывал всех казаков вспомнить прошлое и не делать ошибок в будущем, указав, что только ВК путь может спасти Казачество, а потому надо твердо держаться только этого пути.

Помощник станичного атамана **П. Г. Лобанов** рассказал о другом случае, происшедшем в его станице в том же 1918 г.

Приехавшие с фронта казаки привезли в станицу несколько пулеметов, которые были поставлены на площади. Большевистский отряд (около тысячи человек) вздумал отобрать эти пулеметы, но казаки старики воспротивились и бросились к пулеметам, повернув их на большевиков. Те отступили, но все же, в конце концов, старики (их было 18 человек) сдались. Оказалось, что они ровным счетом ничего не понимали в пулеметах. Митинг требовал устройства самосуда над этими 18 героями, но тот же инородный Бобзей сумел защитить их и они были присуждены лишь к одному месяцу принудительных работ.

Все эти картины казакам напомнили прошлое и указали на то, что никаких компромиссов с русскими быть не может. Спасение казачества в его самостоятельности.

На сборе присутствовало несколько человек казаков, не состоящих в станице, один из коих тут же просил сбор принять его в свою семью. Сбор единогласно постановил принять его.

Казаки познают себя, а потому мы уверены в том, что час освобождения Казачества близится.

Сомневающиеся! Становитесь на истинно казачий путь, путь ВК, дабы ускорить час возрождения Казачества.

Ф. Жуков.

ВК в Германии

В ГАННОВЕРЕ

4-го апреля с. г. состоялся сбор ВК Ермаковской станицы в Ганновере, на котором был заслушан доклад о деятельности правления за истекший год и отчет ревизионной комиссии, которая подчеркнула, что ведение денежной отчетности производилось в полном порядке.

После доклада старое правление сложило свои полномочия в виду истечения срока, а станичный сбор выразил ему благодарность за прошлую деятельность.

После этого было приступлено к выборам нового правления. Сбор просит остаться старое правление. Атаманом остается **П. Т. Лосев**, первым помощником (он же и казначей) **И. В. Буянов**, а вторым помощником **Г. Д. Мартынов**.

Сбор просил атамана об'единить все ВК организации в Германии в одну крепкую организацию. Просить атаманов ВК организаций, чтобы они помогли станичному атаману осуществить дело об'единения казаков в Германии в Вольно - Казачий Округ. ВК организациям надлежит обращаться по адресу:

Herrn P. Lossev, Voss str. 8. Hannover.

На этом была закончена официальная часть.

Потом выпили по стакану пива. Расходясь, высказывали пожелание скорее вернуться на берега родных казачьих рек.

Слава Казачеству!

П. Т. Лосев.

РОЗЫСКИ

1. Знающих адрес **Петра Рышкина**, прошу написать по адресу: **M-eur Pouzanoff, rue Ampèr 48, Roussillon. (Isère).**

2. Бывший кадет Донского кадетского корпуса **Юрий Петрович Савин**, просит откликнуться своих одноклассников по адресу: **Savin, Berlin W. 35.**

Winterfeld str. 8. Allemagne.

Не знает ли кто адреса б. кадета **Н. А. Ушакова**, жившего до 1933 года в Бургасе (Болгария).

Кто знает о судьбе моего дяди ген. **А. Г. Савина**, в 1919 г. заведывавшего донской эвакуацией?—**Ю. Савин.**

3. Разыскиваю брата ген. **С. Д. Позднышева**. Прошу отозваться по адресу: **Василий Позднышев, Суботица, Творница «Зорка» Югославия.**

Продолжается подписка

на иллюстрированный журнал литературный и политический

ВОЛЬНОЕ КАЗАЧЕСТВО -- ВІЛЬНЕ КОЗАЦТВО

выходит 10 и 25 числа каждого месяца

Условия подписки:	на 6 мес.:	на год.:	цена отдельного номера:
Во Франции	40 фр.	80 фр.	5 фр.
В Чехословакии	50 кр.	100 кр.	5 кр.
В Болгарии	150 лева	300 лева	15 лева
В Румынии	200 лей	400 лей	20 лей
В Польше	10 зл.	20 зл.	1 зл.
В Германии	5 мк.	10 мк.	0,50 мк.
В С. Америке и др. странах	2 долл.	4 долл.	0.20 долл.

За перемену адреса следует присылать: во Франции почтовых марок на 1 фр., из-за границы 1 международный почтовый купон.

Подписную плату посылать по адресу:

Mr. I. Bilyi: 109, rue Erlanger, Paris 16.